

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Земное знание и небесное познание

GA 221

9 лекций, прочитанных в Дорнахе с 2 по 18 февраля 1923
г.

Пер с нем. И. Добровольского

СОДЕРЖАНИЕ.

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ. ПЕРЕЖИВАНИЕ ХРИСТА В ЧЕЛОВЕКЕ КАК СВЕТА, ЖИЗНИ И ЛЮБВИ. Дорнах, 2 февраля 1923г.	5
НОЧНОЙ И ДНЕВНОЙ ЧЕЛОВЕК. В ЧИСТОЕ МЫШЛЕНИЕ МОЖЕТ ВДВИГАТЬСЯ СУЩЕСТВО Я.	17
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 3 февраля 1923г.	17
ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 4 февраля 1923г.	29
ЗЕМНОЕ ЗНАНИЕ И НЕБЕСНОЕ ПОЗНАНИЕ. ЧЕЛОВЕК КАК ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕК КАК ЗЕМНОЙ ЗАТВОРНИК	35
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 9 февраля 1923г.	35
ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 10 февраля 1923г.	44
НЕВИДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК В НАС: ЛЕЖАЩЕЕ В ОСНОВЕ ТЕРАПИИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ.	55
ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 11 февраля 1923г.	55
Запись в записной книжке 11 февраля 1923г.	
68	
МОРАЛЬНЫЕ ИМПУЛЬСЫ И ФИЗИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СУЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА. РАССМОТРЕНИЕ ОДНОГО ДУХОВНОГО ПУТИ.	69
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 16 февраля 1923г.	
69	

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 17 февраля
1923г.
79

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 18 февраля
1923г.
90

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ. ПЕРЕЖИВАНИЕ ХРИСТА В ЧЕЛОВЕКЕ КАК СВЕТА, ЖИЗНИ И ЛЮБВИ. Дорнах, 2 февраля 1923г.

Животное вписано в кругооборот года. Человек должен учиться жить с историей Земли. Когда-то человек, взирая на царства природы, переживал образы; но свое существо на Земле он не переживал. Его истинное существо пребывало в сверхчувственном мире. После смерти он переживал интеллектуальное сознание и свободу, которые начали входить в земное переживание с греческого времени, представляя собой течение из последующего в предыдущее. Ныне человек новым, высшим сознанием может постигать себя как гражданина сверхчувственного мира. Когда-то мы взирали вверх, к Богу Отцу. Теперь человек может переживать мир Христа как свет, любовь, жизнь и достигать после смерти более высоких ступеней развития своего существа.

НОЧНОЙ И ДНЕВНОЙ ЧЕЛОВЕК. В ЧИСТОЕ МЫШЛЕНИЕ МОЖЕТ ПРОНИКАТЬ СУЩЕСТВО Я.

Первая лекция.
Дорнах, 3 февраля 1923г.

Беседа философа Розенкранца с учеником Готтхильфа Генриха Шуберта и последователем теософа Гихтеля. Древнее ясновидение отзвучало. Когда-то сознание во сне было наполнено созерцанием мировых взаимосвязей. В бодрствовании это созерцание действовало дальше. Сегодня во сне человек живет в мире будущего, в грядущих мировых состояниях. В бодрствовании он может иметь чистые мысли. Ночью он переживает Ничто. В своем мышлении он может свое Я дневного человека вдвигать в ночного человека. В антропософских мыслях человек живет на первой ступени ясновидения.

Вторая лекция.
Дорнах, 4 февраля 1923г.

Тайна древних мистерий: из переживания смерти получить убеждение в бессмертии. Внутренние силы успокаивались, и в приглушенном сознании человек переживал себя как Я-существо. Теперь же человек должен пробуждаться внутренней деятельностью. Пробуждается труп мертвого мышления. Открывается вид в духовный мир.

ЗЕМНОЕ ЗНАНИЕ И НЕБЕСНОЕ ПОЗНАНИЕ. ЧЕЛОВЕК КАК ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕК КАК ЗЕМНОЙ ЗАТВОРНИК.

Первая лекция.

Дорнах, 9 февраля 1923г.

Для схоластика – в звездных мирах жили духовные существа. Человек чувствовал себя гражданином Вселенной. По Копернику – Земля стала пылинкой во Вселенной. Раньше человек переживал себя сыном неба, теперь – затворником Земли. Гётевский Дух Земли и Пролог в небесах. Христос соединился с Землей. Постигая Гения Земли, мы приобретаем макрокосмические познания. Геккель.

Вторая лекция.

Дорнах, 10 февраля 1923г.

Из звездных констелляций мы получали некогда знание о судьбе. Мы действовали согласно намерениям Небес. Логос был изливанием мира звезд. Мы были религиозными, приобретая познание. Новалис. Мы нуждаемся в едином знании и в подлинных ценностях. Когда-то Логос искали у Бога-Отца, теперь – у Бога-Сына. Когда-то в сущностных глубинах находили Люцифера, теперь – Христа. Проникнутый Христом человек после смерти посвящается небесам. Физическое тело как производитель болезней, эфирное тело – целитель.

НЕВИДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК В НАС.

ЛЕЖАЩЕЕ В ОСНОВЕ ТЕРАПИИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ.

Дорнах, 11 февраля 1923г.

В нас правит последствие нашего предземного бытия. Одно течение протекает от Я, через астральное и эфирное тело – к физическому телу, в организацию обмена веществ; другое – непосредственно от Я в физическую организацию. Последнее действует разрушающе. Невидимый человек, восстанавливая – устремляется в крови вверх. Дыхание – ослабленный процесс разложения; биение пульса – ослабленный процесс восстановления. Если преобладают процессы разложения – болезнь. Образование опухоли. Простуда, ядовитые растения. Корни и цветы.

МОРАЛЬНЫЕ ИМПУЛЬСЫ И ФИЗИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СУЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА. РАССМОТРЕНИЕ ОДНОГОДУХОВНОГО ПУТИ.

Первая лекция.

Дорнах, 16 февраля 1923г.

Ницше, философ морали. Он был атеистом и ратовал за честность. Его четыре главных добродетели: добросовестность, смелость, великодушие, вежливость. Он исходил из Шопенгауэра и Рихарда Вагнера; затем он стал позитивистом. В конце концов, его идеалом был сверхчеловек. «Рождение трагедии из духа музыки», «Человеческое, слишком человеческое». Усиление инстинктов в сверхчеловеке. «Переоценка всех ценностей». «По ту сторону добра и зла». Моральные проблемы не позволили ему войти в сверхчувственный мир.

Вторая лекция.

Дорнах, 17 февраля 1923г.

Восприятия чувств и астральные потоки у животного и человека. Своей головой человек живет в эфирном мире. Эфирное тело головы препятствует инстинктам сбивать себя с толку. В животе возникает мимика вовнутрь. У эгоиста – это безобразно. Аморальный человек несет в себе ариманическое эфирное тело. Моральное эфирно восходит к голове. У морального человека эфирное тело очеловечено. Так он работает над будущим Земли. Пять моральных импульсов у Гербарта.

Третья лекция.

Дорнах, 18 февраля 1923г.

Когда-то Вселенную рассматривали как живой организм. Сегодня у человека – мертвые понятия. Им он обязан свободой и техникой. Раньше человек верил в предземную жизнь. В древние времена человек чувствовал себя сыном богов, обо-лочкой божественного, в греческие времена – изображением божественного. Грек спрашивал себя: может ли Бог стать человеком? В Мистерии Голгофы Космос ответил – да! Теперь человек должен вносить в область идей душевное тепло и душевный свет. Когда-то человек переживал Отца, затем – Сына. Теперь познание должно пронизываться любовью. Это позволяет ощутить тайну Святого духа.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ.

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ. ПЕРЕЖИВАНИЕ ХРИСТА В ЧЕЛОВЕКЕ КАК СВЕТА, ЖИЗНИ И ЛЮБВИ.

Дорнах, 2 февраля 1923г.

Рассмотрев жизнь животного, скажем, на протяжении годового кругооборота, мы найдем, что животное переживает кругооборот года вполне определенным образом. Возьмите, к примеру, насекомое, которое в определенное время года окукливается, в другое время года выползает как мотылек, затем, также в определенное время года, откладывает яйца и так далее. Проследив внешнее природное движение, исследовав затем жизненный путь такого насекомого, мы найдем определенную связь, о которой мы можем сказать, что животное в своей жизни управляется своей природной средой. Если же мы рассмотрим человека какой-либо человеческой группы, более обширного человеческого сообщества в древние времена земного развития, мы найдем, что человек также более или менее инстинктивно переживал свое непосредственное внешнее природное окружение. Но в ходе прогрессирующего развития человечества деятельность этих инстинктов, которая приводила человека к переживанию своей внешней природной среды, более или менее прекращалась. Так что у членов продвинувшегося человечества мы больше не находим такого внешнего согласования между непосредственной природной средой и тем, что выступает в самом человеке. Это связано с тем, что человек подлежит развитию, которое составляет историю человечества, и которое образует одно целое в долгой планетарной эпохе развития Земли.

Если мы возьмем, к примеру, низшее животное, а именно – насекомое (так как при этом обусловленность выступает наиболее отчетливо), мы найдем, что такое животное проживает относительно короткий период времени, кругооборот года. Затем то, что разыгрывалось с животным в течение одного годового кругооборота, повторяется.

Для человечества в целом мы неоднократно находили в наших исторических рассматриваниях определенную закономерность, охватывающую долгие земные времена, долгие периоды нашей планеты. Мы, например, находили, что в древние времена людям было присуще нечто вроде инстинктивного ясновидения, образного сознания, и затем, в средние века, это образное сознание дотлеvalo в процессе перехода от древнего образного сознания к современному интеллектуалистическому понятийному сознанию. И мы неоднократно рассматривали нашу современность, начиная с первой трети XV столетия, как время собственно развития души сознательной, когда человек входит в полном смысле интеллектуалистическое мышление, которое только и может его затем привести к полностью свободному

самосознанию.

Лишь рассмотрев с этой точки зрения достаточно долгий период, мы сможем найти определенную обозримую регулярность в развитии человечества в целом; регулярность в течение этого долгого периода мы уже сможем сравнить с регулярностью в течение относительно короткого периода, например - у насекомого, переживающего кругооборот года.

В древние времена еще имело место определенное переживание, инстинктивное переживание человечеством природы, природной среды. Но инстинкты более или менее атрофировались, и сегодня мы живем в те времена, когда на место древней инстинктивной жизни должна вступить сознательная внутренняя жизнь.

Если бы человек жил, так сказать, предаваясь случаю, не принимая внутренних, направляющих его закономерностей, не говоря себе в определенный момент времени: так ты должен ориентировать все свое существо, то человек не пришел бы к такой внутренней ориентации, но, предаваясь случаю в своей жизни здесь, на Земле, от рождения до смерти, он, хотя и возвышается над животным благодаря своей более высокоразвитой душевной жизни, из-за такого обращения со своей душевной жизнью опустился бы ниже животного.

Затем следовало бы отметить: насекомое подчинено строгой определенности его жизни в течение весны, лета, осени и зимы. Оно не отдается случайностям становления, включаясь в мир в определенной регулярной последовательности жизненных стадий.

Но, видя, что человек вышел из инстинктивного древнего переживания природы, которое, хотя и было более душевным, чем у животного, но, тем не менее, инстинктивным, хотя оно и приняло новую, более сознательную форму, мы находим, что человек, вопреки своей более высокой душевной и мыслительной жизни, по мере атрофии его инстинктов все более предавался хаотичной жизни и опустился вследствие этого определенным образом ниже животного.

Следовало бы особо подчеркнуть, что несмотря на то, что прежде всего возвышает человека над животным, что он, с другой стороны, развил как свое новейшее достижение, мы, тем не менее, должны будем сказать: внутреннюю направленность своей жизни человек потерял. Ибо это начало, придающее направление его жизни, он должен был бы видеть в осознании себя членом человечества: ты - человек того или иного столетия. Но то или иное столетие занимает определенное место в общем становлении твоей планеты так же, как, скажем - месяц сентябрь занимает определенное положение в ходе года для низшего живого существа. Ты должен осознавать, как твоя душевная жизнь должна включаться в определенную историческую эпоху.

Однако это должно становиться чем-то таким, что человек усваивает, все больше вступая в развитие души сознательной. Человек должен быть в состоянии сознательно сказать себе: я живу в ту или иную эпоху, и я не являюсь человеком в полном смысле слова, если я отдаюсь случаю, который вверг меня путем рождения в земное бытие, что означает для моего сознания – отдаваться случаю, тогда я предоставлен карме. Человеком в полном смысле слова я являюсь только тогда, когда я отдаю себе отчет о том, чего требует историческое развитие человечества от моей душевной жизни, когда я принадлежу определенной эпохе. Животное живет в ходе года; человек должен учиться жить с историей Земли.

Как самое важное событие вставлена в историю Земли Мистерия Голгофы. И мы неоднократно видели, что это могло означать – жил ли человек до Мистерии Голгофы, или же в известное время после Мистерии Голгофы. Мы имеем в историческом развитии в какой-то мере нулевую точку, отсчитывая время вперед и назад от этого величайшего исторического события на Земле. Но мы только тогда полностью отдадим должное такому отсчету времени от мистерии Голгофы, когда сможем устанавливать для отдельных эпох исторической жизни, *что* именно в определенную конкретную эпоху является задачей человеческой души.

Исторического представления, каково оно сегодня, обычно недостает, чтобы достичь такого понимания определенной эпохи. Ибо простой рассказ о том, как развивалась персидская, вавилонская, египетская, греческая, римская жизнь, не дает человеку разъяснения о закономерном включении его во все историческое становление планеты, как закономерно включается в кругооборот года животное.

Мы уже самым различным образом изучали отдельные исторические эпохи, чтобы получить из этого представление о том, что именно в нашей душевной жизни мы должны особенно оживлять в нашу эпоху. Но жизнь богата и многообразна, и если мы вообще хотим прийти к истинной действительности земной жизни, жизни человечества, мы должны снова и снова рассматривать жизнь с различных точек зрения. Сегодня я хотел бы взглянуть с вами на человеческую жизнь с той точки зрения, которая поможет указать на особый характер душевной жизни человека в наше время.

Обращая взгляд назад, на очень древние времена развития человечества, мы находим вкрапленным в отдельные жизненные области Земли то, с чем мы познакомились как с мистериями. Мы находим, что отдельные живущие на Земле человеческие группы даже внешне, но главным образом – в душевном, культурном отношении, развиваются под влиянием этих мистерий. Мы

находим, что отдельные люди в зависимости от степени их зрелости принимаются в мистерии, что они проделывают там развитие, которое возводит их на определенную ступень познания, чувствования и воления, так, что они выходят оттуда как знающие, с высшими чувствами, высшими желаниями, в среду остальных людей и дают им ведущие направления, установки для отдельных частностей жизни, для внутренних сил и укрепления души, для внешнего воления и поступков. Поэтому то, чем были такие установки для древнейших эпох человечества, можно лучше всего изучить на том, как посвящаемых в мистериях приводили к таким установкам.

Подобно тому, как это делается сегодня, только не таким абстрактно-интеллектуальным способом, как в современности, учеников мистерий приводили к познанию окружающего их мира, побуждая схватывать наиважнейшее, познавать то, что живет в так называемых трех царствах природы. Сегодня мы уже с самой низшей школьной ступени учимся с помощью всяческих понятий и представлений входить в три царства природы. Мы изучаем в понятиях и идеях минеральное, растительное и животное и стремимся, исходя отсюда, получать также разъяснения о человеческой жизни и о самом существе человека.

Но такие понятия, такое интеллектуалистическое душевное содержание, какими они сегодня сообщаются людям, в те древнейшие времена, конечно, посвящаемым в мистериях не давались. Здесь также были понятия, но они достигались не тем способом, каким они достигаются сегодня, вырабатываясь во внутренней душевной жизни логикой, наблюдением и так далее, но они преподносились человеку благодаря тому, что человек проделывал внутреннее развитие души, а затем приходил к образам минерального, растительного, животного. Он усваивал не те абстрактные понятия, которые усваивает сегодня, а образы, – образы, которые сегодняшней интеллектуалистический человек, вероятно, ощутит как фантастические, но он усваивал именно образы. Человек знал об этих образах благодаря непосредственному переживанию того, что то, что он узнавал в образах, переживал в образах, давало ему нечто от того, что внутренне присутствовало в вещах, в минералах, растениях, животных, что росло в них, что принимало в них облик, что в них развивалось. Он знал это именно из образов, которые кажутся сегодняшнему человеку фантастическими мифами и тому подобным.

Древний человек знал, что он имел нечто действительное в том, что сегодняшней человек ощущает более или менее как мифологически-фантастическое. Древний человек знал: если я смотрю в физически-чувственном мире на животное, то оно стоит передо мной в четких очертаниях. Понимать же эти четкие

очертания – не было, собственно, его намерением. Его намерением было, скорее, исследование всюду текущей, подвижной, свободной жизни. Согласно его воззрениям, оно могло проводиться не в остро очерченных образах, не в остро очерченных понятиях, но его надо было сообщать в текучих, преобразующихся, метаморфизирующихся образах. Так это и сообщалось в мистериях.

Но когда человек на основе этого мистериального познания должен был подняться до познания самого себя, он, прежде всего, проходил в своей душе через один важный кризис. Он воспринял в свое, сообразное тому древнему духу времени, познание образы минерального, растительного, животного. Он мог в какой-то мере просматривать соответствующим его сказочному сознанию способом внутреннее царств природы. Затем он получал из существа своих мистерий, как и в более поздние времена, установку (*die Richtungslinien*) познать себя самого. «Познай самого себя» – было, все же, идеалом во все времена на протяжении человеческого культурного развития и развития цивилизации. Но когда он, этот древний человек, от своего имажинативного природного познания должен был подняться до самопознания, он проходил внутренний душевный кризис.

Чтобы показать вам, в чем состоял этот внутренний душевный кризис, я должен сказать следующее: человек наполнял свою душевную жизнь, взирая вовне на существо простирающегося минерального царства, внося в себя действия минерально-физических процессов. Он вносил в себя образы многообразно ткущейся в себе растительной жизни. Он вносил в себя образы животного. Он мог также связывать это с минерально-растительно-животным миром. И когда он, в какой-то мере отходя от выглядывания вовне, оглядывался в свое внутреннее, он имел перед собой, в виде некоего примитивного воспоминания, – внутренний образ минерального, растительного и животного царств и внутренний образ их взаимодействия.

Подходя затем к исполнению требования: «познай самого себя», он должен был внезапно остановиться, и сказать себе: у меня есть разнообразный, богатый формами, красками, даже внутренне звучащий, я бы сказал – внутренне музыкальный – мир образов того, что предстоит перед человеком в земной жизни. Но весь этот богатый формами, изменчивый, превращающийся, везде переливающийся красками, сияющий и блестящий, звучащий мир, он покидает меня, когда я хочу исполнить требование «познай самого себя». Желая постичь существо человека столь образным способом, я этого не могу. Я получаю, правда, также образы человека, но когда я эти образы переживаю, из самого переживания образов я знаю: это – не действительный человек, это не то, что я ощущаю, когда я переживаю мое человеческое

достоинство. В действительности я этим не являюсь.

И из этого кризиса, который человек переживал здесь в отношении бессилия самопознания, затем для человека, который пережил именно этот кризис, путем посвящения в мистериях развивалось нечто иное. Из этого развивалось вполне определенное жизненное убеждение, жизненное убеждение, которое мы находим на почве всех древних цивилизаций.

Это жизненное убеждение состояло в том, что человек, который был действительно просвещенным в древних цивилизациях, говорил себе: здесь, на Земле, где минералы, растения, животные обретают свою определенность, где они могут являть свое существо в образах, которые я могу самому себе творить, здесь, на этой Земле, свое существо человек не обнаруживает.

Это – живущее в основе всех древних цивилизаций убеждение, что человек не принадлежит Земле в том же смысле, как существа других царств природы, что родина его собственного существа в какой-то мере в ином месте, не на Земле, что родина его собственного существа – в сверхчувственном мире. И это вовсе не было каким-либо произвольным представлением веры, но было чем-то, чего люди себе добились в кризисе их душевной жизни, именно после того, как они приобрели сперва сообразное их времени познание о внечеловеческом в земной жизни.

И разрешение этого кризиса заключалось только в том, чтобы в те древние времена человек, благодаря еще присущим ему тогда способностям, смог получить указания на предземную жизнь, и отсюда также на послеземную жизнь, на жизнь после смерти.

Предземная жизнь была известным образом знакома каждому инстинктивному человеку. Она, как предземное воспоминание, вдвигалась в земную жизнь. И послеземная жизнь затем приобреталась так, как я намекнул в так называемом Французском курсе¹, в познании на основе предземной жизни.

Но познанию чего человек учился здесь на основе своих древних способностей? Он учился познанию следующего: когда ты вступаешь во врата смерти, только тогда наступает момент времени, когда ты не только имеешь перед собой существо внечеловеческой природы, но перед твоей душой выступает твое собственное существо. Так особенностью древнего развития человечества было то, что тогда человек между рождением и смертью развивал исключительно образное сознание, как я его часто характеризовал, еще не интеллектуалистическое сознание, которое мы имеем сегодня. Это интеллектуалистическое сознание, которое мы имеем сегодня, в те древние времена человек развивал непосредственно после смерти. И затем, после

---

¹ GA25 "Космология, религия, философия"

смерти, он его сохранял.

В прогрессе развития человечества примечательно то, что интеллектуалистическое сознание, которое люди древнего времени обретали после смерти так, как мы сегодня описываем лишь образный обзор трех дней человека после его смерти, примечательно то, что человек древнего времени на Земле имел сновидческое образное сознание, как мы имеем интеллектуалистическое сознание сегодня уже в земной жизни, и после смерти вращался в интеллектуальную жизнь, которая ему тогда, когда он был свободен от тела, давала свободу. В древние времена человек после смерти становился интеллектуальным и свободным существом.

По мере того, как ученика мистерий посвящали в эти факты, ему на основе человекопознания того времени становилось ясно: здесь, на этой Земле, ты можешь своим образным сознанием приобретать познание внечеловеческого. Но когда ты, сообразно требованию: «Познай самого себя!», – оглядываешься на себя, ты не находишься здесь, в земной жизни перед смертью, во всей полноте своего человеческого существа. Полным человеком ты становишься, только проходя через врата смерти. Тогда ты сможешь получить в свое распоряжение чистое мышление, и тогда, с чистым мышлением, ты сможешь стать свободным существом.

Это особенное, эта форма сознания после смерти в те древние времена развития человечества приходила к человеку, как мы ныне после смерти переживаем ретроспективный обзор; это в какой-то мере притекало в земную жизнь в противоположном человеческой жизни течении, из послесмертной, послеземной жизни. И то, что мы, в известной мере, как люди приобрели с первой трети XV столетия, пришло земному человеку от человека послеземного. Это значит, что истинное существо человека, о котором узнавали древние ученики мистерий, которое ты находишь только в неземном бытии после смерти, это существо человека проникало в земную жизнь. Настоящий сверхчувственный поток проникал в земную человеческую жизнь, перемещая от последующего к предыдущему, противостоя нашей человеческой жизни, которая идет от предыдущего к последующему. Мы, как люди, становились сопричастными неземному, достойными проникновения его из сверхчувственного в чувственное, вместе с тем принимая задачу – внутренне обрести нашу свободу, сознательно, полностью признавать сверхчувственное в смысле развития души сознательной.

Поистине, даже если бы древние времена нашли требование: «познай самого себя» в какой-то мере возвышенным для человека, им было бы ответом: здесь, на Земле – нет никакого самопознания, так как здесь, на Земле, целостное существо человека вовсе не

завершено. Ты - не полный человек на Земле, ты станешь целостным человеком, лишь пройдя через врата своей смерти и войдя в сверхчувственный мир.

Поэтому еще во время Мистерии Голгофы и в последующие столетия, человека, как он живет на Земле, называли согласно древней мистериальной мудрости: человек естественный, природный. Но в то же время были воззрения, что этот природный человек не является истинным человеком, не является полным человеком, вовсе не несет в себе полное, целостное существо человека. И от этого природного человека отличали человека пневматического, человека духовного. И было также воззрение, что человек только тогда, когда он, после сложения физического тела и прохождения врат смерти стал пневматическим человеком, только тогда такой пневматический человек - полный человек. Поэтому с посвящением мистерий древних времен для земного сознания человека было связано развитие высшей скромности. Высокомерным человек Земли путем посвящения мистерий стать никак не мог, так как он вовсе не чувствовал: ты уже в полном смысле слова Человек на этой Земле, но он получал сознание: ты здесь, на Земле - в какой-то мере лишь кандидат в человеческое, и ты должен так употребить свою земную жизнь, чтобы после своей смерти мог стать полным человеком.

Так, в согласии с этой мудростью мистерий, странствующего по Земле человека вовсе не ощущали, как истинное откровение полночеловеческого (*des Vollmenschlichen*). Только в греческое время, а также в то время, которое созрело позднее под влиянием греческой культуры, ощущали, вместе с интеллектуальностью и со свободой, вливание после-земного истинного существа человека в земное существо человека. И после греческой цивилизации рассматривали земного человека так, что, хотя в отдельном странствующем по Земле человеке все человеческое существо еще не было полностью завершенным, но в том, чем был земной человек, видели в какой-то мере работающее, проникающее из неземного в земное. В том роде и способе, каким чеканится физиономия человека, его род деятельности, его облик, во всем этом с почитанием созерцали вливание неземного в земное.

В новой фазе развития человечества все становилось иным. В новой фазе развития человечества человек должен сказать себе: у меня - великая задача осознать мою человечность. У меня задача - по крайней мере до определенной степени - уже полностью представлять на этой Земле человека в его существе. Ко мне также предъявляется требование: «Познай самого себя!». Но, приобретя интеллектуалистическое сознание, я могу постичь именно внутреннюю силу чистого мышления и внутреннюю душевную конституцию (*Seelenverfassung*) свободы в

самопознании человека. Я могу поставить человека перед своим душевным взором. Человек не может стать высокомерным из-за осуществления этого требования – «Познай самого себя!». Ведь в каждый момент он должен осознавать, как он должен добиваться того, что является его истинной свободой, как он в своих страданиях, в своих эмоциях, в своих чувствах и ощущениях зависит от того, что является подчеловеческим, и что древнее человечество столь ярко, живо, образным сознанием видело во внечеловеческом, и при этом могло видеть также в человеческом, а значит – и в подчеловеческом. И признание этого подчеловеческого за то, что можно было познать, в те древние времена было велико. Так как говорили себе: истинный человек вовсе не живет на Земле, ибо истинного человека надо было постичь интеллектуальным познанием как интеллектуалистическое существо. Неинтеллектуальным образным познанием можно постигать лишь прежде всего подчеловеческое. Только тогда, когда интеллектуалистическое, которое живет в свободной внутренней душевной конституции, как я представил это в моей «Философии свободы», только если оно разовьется далее до сознательного точного ясновидения, человек сможет познавать себя также в отношении других членов своего существа – кроме интеллектуалистического чистого мышления и свободного импульса воли.

Таким высшим сознанием – имагинативным, инспиративным, интуитивным сознанием – он может познавать себя также в своем внеинтеллектуальном существе, как члена сверхчувственного мира. И тогда ему открывается следующее: ты бываешь, правда, полным человеком – это раскрывается перед твоим самопознанием, но вся твоя человечность требует от тебя, чтобы оно становилось все более и более совершенным.

Итак человек новейшего времени не может развивать тот вид скромности, который он должен был развивать в древние эпохи цивилизации, который приходил к нему посредством того, что он должен был сказать себе: живя в физическом теле, ты вовсе не бываешь совершенным, полным человеком (Vollmensch), ты вовсе не достигаешь своего полного человеческого достоинства и своей полной человеческой ценности, но ты – лишь кандидат в человеческие существа. Ты можешь лишь подготавливаться к сознанию и свободе, как они выступают в тебе непосредственно после смерти.

Но новый человек, после того, как он прошел промежуточную ступень гречества (des Griechischen) в других земных жизнях, должен сказать себе: ты должен обратить внимание на то, не упустил ли ты возможности быть истинным полным человеком в твоём плотском теле между рождением и смертью, ведь тебе, как современному человеку, дана возможность внутренне развивать

то, что вступило в земную жизнь из предземной жизни. Ты можешь становиться человеком на Земле. Ты должен поэтому взять на себя этот труд – становиться человеком на Земле.

Это выражается также в развитии религиозного сознания людей. Мы ведь слышали последний раз, как древнее время взирало вверх, преимущественно к Богу Отцу, и во Христе имело Бога Сына. Но Бога Отца видели в субстанциально-творческом и правящем сверхчувственном, лишь отражением которого является земное чувственное. Взирали с Земли вверх, на космическое. И в религиозном сознании в этом смысле взирали вверх, к Богу Отцу.

Ученики мистерий всегда осознавали следующее: высшее, что они могли изучить о человеке, является подготовкой к жизни после смерти. Теперь же Сын Божий был связан с земной жизнью Мистерией Голгофы, и человек может развивать, по словам Павла, сознание: «не я, но Христос во мне». Но вследствие того, что человек позволяет оживать в себе Импульсу Христа, и он так ориентирует свою внутреннюю деятельность, что его чувства, его жизнь пронизывает и волнует Импульс Христа, вследствие этого человек может почувствовать именно тот поток, который к нам, людям, пришел из предземной жизни, и воспринимать его в себе во время земной жизни. И первое, примитивное принятие этого потока в земную жизнь состоит именно в том, что человек говорит себе: в какой-то момент своей жизни я ощущаю, как внутри во мне всходит и оживает нечто, что сидело до сих пор на пороге моего сознания, но теперь я замечаю – оно здесь. Оно восходит! Оно наполняет меня внутренним светом, внутренним теплом. В последнее время благодаря тому, что эта внутренняя жизнь, это внутреннее тепло, этот внутренний свет, все это поднялось во мне в течение земной жизни после рождения, я знаю теперь о земной жизни больше, чем мне свойственно от природы. Я постигаю в земной жизни нечто, восходящее в моей человечности.

В то время как затем человек этот восходящий в нем свет и жизнь и эту восходящую в нем любовь ощущает как ткущий в нем и живущий Импульс Христа, он обретает в себе силу постигать послеземное как полностью человеческое в свободной внутренней душевной жизни.

Итак, Мистерия Голгофы и Импульс Христа тесно взаимосвязаны с достижением человеческого сознания свободы, того сознания, которое способно простое мышление, обычно становящееся мертвым и абстрактным, заставить пульсировать внутренней жизнью и внутренним теплом.

Но вследствие этого переживание Христа в человеке в новейшие времена представляется во всей его важности и сущности наряду с требованием, которое предъявляется человеку во все времена, которое живо также и сегодня: «Познай самого себя. Оплодотвори себя в самом себе до полной

человечности».

Тем самым снова определенным образом намечено, как отличается в человеке то, что должно жить в его душевной конституции в *сегодняшнюю* эпоху, по сравнению с его душевной конституцией в эпохи древних времен. И мы учимся так рассматривать человека в течение большого периода времени, как мы рассматриваем насекомое в его масштабе времени: насекомое чувствует, ощущает эпоху лета во всех ее дальних взаимосвязях, и оно собирается вовремя ощутить переход к осенней эпохе, чтобы внести в эту осеннюю эпоху иной образ жизни, чем тот, который установлен в весеннюю и летнюю эпохи. Как животное живет в течение года, так человек должен суметь жить в истории своей планеты, Земли. Он должен суметь сказать себе: как для насекомого существует весеннее время, так для меня однажды существовало время древнего инстинктивного ясновидения с несвободой, с образным сознанием, с невозможностью исполнения требования «Познай самого себя!», с сознанием: ты – лишь тогда совершенный человек, когда ты прошел через врата смерти. Затем для тебя, как для насекомого лето и осень – пришло греческое время. Здесь был переход к более поздней эпохе времени, в которой я теперь живу, в которой задачей души является – исполнять, в определенном смысле, здесь на Земле, требование «познай самого себя» и вследствие этого достигать после смерти более высоких ступеней развития жизни, чем те, которые были у древнего человечества, где человек только после смерти мог становиться совершенным человеком (*voller Mensch*).

В те древние времена задачей человека было – становиться здесь, на Земле, искателем такой жизни, вследствие которой он после смерти стал бы совершенным человеком. В нашу современную эпоху задача человека – добиваться возможности быть совершенным человеком (*voller Mensch*) здесь, на Земле, чтобы затем, после смерти, смочь взойти на более высокие ступени развития, чем те, которые были доступны древнему человеку. Древний человек, если он несправедливо жил земной жизнью, подвергал себя опасности не достичь совершенной человечности после смерти. Новый человек стоит перед чем-то иным. Он стоит перед своим долгом добиваться полной, совершенной человечности на Земле. И если он не добивается ее, то он ее отрицает, и затем в жизни после смерти опускается вниз, в подчеловеческое. Древний человек мог что-то упускать; новый человек – что-то разрушает. Древний человек упускал что-то, если он не становился соискателем жизни; новый человек – разрушает нечто в своей человечности для всего человечества, если он не стремится стать на Земле вполне человеческим (*vollmenschliches*) существом, так как он этим отрицает человечность, в то время как древний человек только упускал ее.

Так обстоит, когда человек на своей высшей ступени бытия сознательно включается в мир, в том же смысле, как животное на низшей ступени включается в свой мир инстинктивно, иначе человек предоставляется хаосу, чего животное из своего инстинкта не сделает.

Это - то, чему мы должны учиться благодаря Антропософии: быть поистине человеком, чтобы мы не переживали стыд, будучи во Вселенной низшими, хотя боги предназначили нас для высшего, быть во Вселенной ниже животного, которое не упускает возможности участвовать в гармонии Вселенной, в то время как мы, люди, если не хотим так мыслить, как это намечено включением должного сознания в должные времена, превращаем мировую гармонию в диссонанс и вследствие этого, так сказать, отягчаем себя космическим стыдом.

Так мы должны учиться соединять в современности жизнь чувств с нашей интеллектуалистической жизнью. Мы должны учиться переживать, что это может быть стыдом - не стремиться к тому познанию, которое делает нас совершенным человеком, стыдом перед богами мира.

НОЧНОЙ И ДНЕВНОЙ ЧЕЛОВЕК. В ЧИСТОЕ МЫШЛЕНИЕ МОЖЕТ ВДВИГАТЬСЯ СУЩЕСТВО Я.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 3 февраля 1923г.

Сегодня я для начала рассказал бы вам небольшую сцену из познавательной жизни XIX столетия, чтобы мы на ней смогли сориентироваться в тех больших изменениях, которые произошли в существе души западноевропейского человека. Я неоднократно подчеркивал, насколько сильно у человека современности сознание того, что люди всегда мыслили, чувствовали, ощущали – как в настоящее время. Если же они чувствовали иначе, то это всего лишь соответствовало детским состояниям развития, и только в современности человек достиг, так сказать, настоящей зрелости мышления. Но чтобы действительно познать человека, познать существо человека, мы должны суметь войти в образ мыслей древних времен, чтобы не предаваться чувству превосходства и высокомерию, преисполняющим человеческие души в современности. И затем, увидев, как уже в течение немногих последних десятилетий полностью изменились мысли и представления образованных людей, мы сможем также понять, сколь радикально изменилась душевная жизнь людей на протяжении больших промежутков времени, на что мы были вынуждены вчера снова обратить внимание.

Одним из самых известных гегельянцев XIX столетия является Карл Розенкранц, который долгое время был профессором философии в университете в Кенигсберге. Розенкранц был гегельянцем, но его гегельянство было, во-первых, окрашено основательным изучением Канта, – он, в какой-то мере, рассматривал Гегеля сквозь очки кантианства, но, кроме того, его гегельянство было сильно окрашено изучением евангелической теологии. Все это: евангелическая теология, кантианство, гегельянство, – слилось с середины XIX столетия в этом человеке.

В последней трети XIX столетия гегельянство исчезло из кругозора образованного человечества Средней Европы, и едва ли можно себе представить, насколько глубоко мыслящие люди Средней Европы находились в гегельянстве в сороковые годы. Поэтому сегодня трудно представить, как это, собственно, выглядело в такой душе, какой она была у Карла Розенкранца.

Розенкранц все же был человеком, который в сороковые годы мыслил так, как того требовал образ мыслей образованного человека того времени, который покинул древнее непригодное мышление, покорился современному объяснению и уже не был суеверным в том смысле, как это было принято считать в сороковые годы. Надо думать, Розенкранц был человеком, стоящим, так сказать, на высоте образования того времени.

Итак, этот Карл Розенкранц – это было в 1843 году – совершал однажды прогулку и встретил человека, звали его Бон, с которым возникла столь интересная для Розенкранца беседа, что Розенкранц её записал. Бон происходил из Тюрингии, но ни в коем случае, как например, Розенкранц, не был человеком, полностью выросшим из своего времени. Бон же, со своей стороны, вероятно, считал Розенкранца человеком, хотя и подточенным новейшими представлениями, но в определенном смысле непредвзятым; однако, доброй древней мудрости, которой еще владеет Бон – ему уже не понять.

Итак – как сказано, это было в 1843 году – у них состоялась беседа. Бон прошел курс в университете Эрлангена и был там в основном учеником Шуберта, философа с несколько поэтическим уклоном, но еще преисполненного древней мудрости, мудрости, которая весьма способствовала вхождению в особых мечтательных состояниях сознания в существо человека. Шуберт был человеком, который обладал очень многим из переданной древней мудрости и считал, что если нельзя осмысленной внутренней жизнью оживить в себе нечто от доброй древней мудрости, то, собственно, ничего нельзя знать всерьез и о новой мудрости о человеке. В этом отношении труды Шуберта чрезвычайно интересны. Шуберт весьма охотно углублялся в различные проявления человеческой жизни сновидений, а также в отклоняющиеся от нормы состояния души, сегодня мы сказали бы, вероятно, – в душевные состояния естественного медиума, в состояния того ясновидения, которое сохранилось еще от древних времен как атавистическое, короче – в аномальные, не вполне бодрственные состояния душевной жизни. Таким путем он стремился получать откровения о человеке.

Итак, Бон был учеником этого Шуберта. Но затем Бон прибыл сюда, в Швейцарию, и воспринял в Швейцарии духовную жизнь, о которой, пожалуй, сегодняшние швейцарцы не имеют никакого представления, что она здесь однажды существовала. Именно в Швейцарии Бон воспринял так называемый гихтелианизм. Я не знаю, известно ли еще сегодняшним швейцарцам о том, что гихтелианизм был здесь более или менее распространен; в остальной Европе, например, в середине XIX столетия он, был обычен в Голландии, но особенно более или менее распространен он был в Швейцарии.

Этот гихтелианизм был именно тем, что на протяжении XVIII века, а также еще в XIX веке оставалось от учения Якоба Бёме. И в той форме, как представил учение Якоба Бёме Гихтель, это учение распространилось затем во многих местах, в том числе также и здесь, в Швейцарии; здесь Бон и познакомился с гихтелианизмом.

Итак, Розенкранц много прочел, и если он при своем

кантианстве, гегельянстве и евангелической теологии не мог теперь внутренне активным образом войти также во что-то в том роде, как учение Якоба Бёме или его ослабленный вариант у Гихтеля, то, по крайней мере, он понимал выражения и его интересовал разговор столь примечательного человека, гихтельянца.

Итак, они говорили (Розенкранц записал беседу, которая состоялась в 1843 году), видимо, сперва на тему, лишённую слишком непонятных сторон как для кантианца, так и для гегельянца XIX столетия. Но Розенкранц в ходе беседы все же отметил, что это весьма сомнительно – пытаться столь глубоко размышлять над какой-либо проблемой, когда это может нарушаться внешними помехами.

Я бы сказал, что в этом замечании Розенкранца уже ощущается нечто от того, что позже выступило в намного более высокой степени: нервозность века. Стоит лишь вспомнить о том, что среди различных союзов, которые образовались в предвоенное время в Средней Европе, был один, который образовался в Ганновере – союз против шума. Его члены хотели добиться введения законов против шума, чтобы можно было, например, сидеть вечером, размышляя в тишине, и это не нарушалось бы шумом, например – соседней гостиницы. Есть журнальные статьи, пропагандировавшие этот союз против шума. Это намерение учредить такой союз против шума, конечно, – следствие нашего нервного века. Так что из речи Карла Розенкранца чувствуется, сколь неприятно могут мешать множество вещей, происходящих в окружении, если мы хотим размышлять или, уж совсем, если мы хотим писать книгу. Чувствуется уже кое-что от этой нервозности. И Бон, кажется, поистине проявил большое понимание жалобы человека, который хотел бы безмятежно мыслить, и он сказал Розенкранцу, что он мог бы порекомендовать ему здесь нечто хорошее, а именно неприятное.

Розенкранц как с облаков свалился. Он должен был упражняться в неприятном, так рекомендовал ему Бон – он должен учиться развивать в себе неприятное. Да, сказал Розенкранц, неприятно – когда все мешает. Тогда Бон сказал: я так не думаю. И Бон объяснил Розенкранцу, что он, собственно, подразумевал под неприятным. Он сказал: надо следить за тем, чтобы оставаться столь твердым в себе, чтобы турба других процессов в окружении не нарушала нашу собственную констелляцию, чтобы чистая тинктура могла развиваться в собственном аструме.

Так что здесь, в Швейцарии, Бон научился у гихтельянцев говорить о необходимости заботы о том, чтобы наша собственная констелляция не нарушалась турбой других процессов в окружении, чтобы сохранялась в чистоте тинктура собственного

аструма. Как сказано, Розенкранц понимал такие выражения. Я думаю, сегодня далеко не каждый, стремящийся быть весьма ученым человеком, способен понимать такие выражения.

Что, собственно, думал в тот момент гихтельянец Бон? Видите ли, Бон жил в распространенных представлениях Якоба Бёме. Недавно я несколько охарактеризовал Якоба Бёме. Я говорил, что он из всего народного духа собрал сохранившуюся народную мудрость. Он воспринял многое из этой народной мудрости, что сегодня таковой не считают. Эта народная мудрость даже зачастую сохраняется у так называемых размышляющих людей именно в таких выражениях, как я процитировал их со слов Бона. И как раз среди этих выражений можно представить себе кое-что, не лишенное определенной внутренней живости. Это еще содержало традиции того, что было воспринято древним человечеством в древнем ясновидении. Это древнее ясновидение заключалось в силах, которые исходили из телесности людей. Поэтому не следует говорить, что это древнее ясновидение жило в физическом. Тогда не осознавали, что все физическое пронизано духовным. Но, собственно, то, что древний ясновидящий в своем снопоподобном воображении представлял перед своей душой, он высасывал из сил своей телесности. То, что пульсировало в крови, что напрягалось в дыхании, даже то, что жило в преобразующихся веществах тела, это в какой-то мере воспаряло вверх в духовное и давало древнему ясновидящему грандиозные системы мира, как я их здесь часто описывал. Это древнее ясновидение было полностью высосано из телесного.

И то, что там раскрывалось, в то время как они жили так, как будто чувствовали приблизительно весь мир в фиолетовом свете, чувствовали себя самих однородными, как фиолетовое облако в фиолетовом свете, так полностью ощущали себя в себе, и это они называли тинктурой. Они ощущали это как свое собственное, связанное с собственным организмом. Это они ощущали как собственный аструм. Гихтельянец Бон называл эту высосанную из тела внутреннюю жизнь чистой тинктурой собственного аструма.

Но уже наступило время – собственно, оно наступило давно – когда люди больше не могли извлекать таковое из своей телесности. Время, с которого древнее ясновидение уже не было приспособлено к человеку, наступило уже давно. Поэтому такие люди, как Якоб Бёме или Гихтель чувствовали, насколько это уже тяжело – оживлять эти древние представления. Способность жить в этих древних представлениях человек потерял. Если они и поднимались, то протекали в какой-то мере одинаково. Человек чувствовал себя в этом неуверенно, и поэтому хотел сделать все, чтобы удержать эти бегущие внутренние образы, которые, я бы сказал, восходили благодаря внутреннему звуку древних слов. И как он чувствовал в себе чистую тинктуру своего аструма, так же

он чувствовал, когда к нему приближалось нечто иное, вытесняющее образы. Это иное, что жило духовно в вещах и процессах окружения, называли турба. И не хотели позволять этому турба нарушать собственную констелляцию, т.е. нарушать душевную конституцию, в которой можно было пребывать, если действительно так углубиться во внутреннее звучание древних слов, чтобы в какой-то мере, благодаря охране этого традиционного внутреннего мира, твердо владеть собой. Поэтому старались не принимать ничего внешнего, а жить в себе самом. Делали себе «неприятность», не нуждаясь ни в чем внешнем.

Эту неприятность, жизнь в себе самом, рекомендовал Бон Розенкранцу в вышеупомянутой форме. Однако, видите ли, собственно, здесь взирают в душевную жизнь поистине древних времен, которая еще существовала в кругах гихтельянцев в середине XIX столетия, будучи, правда, совсем сумеречной, отзвучавшей. Ибо то, что здесь отзвучало, было некогда внутренним переживанием божественно-духовного мира в сказочных ясновидческих образах, благодаря которым человек чувствовал себя значительно большим, чем просто небесное существо, ибо чувствовал как существо земное.

И предпосылкой той древней душевной конституции было то, что человек еще не развил тогда чистого мышления новейшего времени. Это чистое мышление новейшего времени, о котором, собственно, полностью осознанно было сказано только в моей «Философии свободы», – то, что сегодня ощущается еще не вполне. Это – нечто вроде чистого мышления, которое впервые развилось в естествознании.

Принимая во внимание ту часть естествознания, которая особенно характерно указывает то, что здесь должно нам говориться, мы принимаем астрономию. Благодаря Копернику астрономия становится чисто мировой механикой, чем-то вроде описания мирового механизма. Раньше всегда бытовали представления о том, что в звездах воплощены духовные существа. Схоластика средневековья еще говорит о духовных существах звезд, об интеллигенциях, которые населяют звезды, которые воплощены в звездах и так далее.

Что вовне все материально, механично, что человек имеет лишь мысли об этом, – это, ведь, только возникло. Раньше человек творил образы, связанные с созерцанием звезд или созвездий. Он видел в них нечто живое, нечто ткущее для себя. Не чистое мышление, но нечто душевно-живое связывало человека с его окружением. Но человек в этом окружении развил чистое мышление.

Я уже здесь говорил, у древних людей также были мысли, но они получили мысли одновременно с даром ясновидения, они воспринимали из окружения ясновидческие образы, и затем из

ясновидения вытягивали свои мысли. Непосредственных чистых мыслей, извлеченных из внешних вещей, у древних людей не было. Характерной особенностью новейшего времени является то, что человек учится постигать мир одним лишь мышлением. И в постижении мира человек прежде всего развивает это чистое мышление.

Однако со всеми этими вещами связано еще нечто иное. Те люди, на которых Бон указал Розенкранцу, эти люди все же не переживали сон таким образом, как переживает сон мыслящий современный человек. Только лишь мыслящий современный человек переживает сон как бессознательное состояние, которое прерывается, самое большее, грезами, из которых он удерживает немного. Ибо, в силу душевной конституции человека новейшего времени, ценность грез – минимальна. Это, как правило, реминисценции внутренней или внешней жизни, которые в своем содержании особой ценностью не обладают. Что, собственно, особенно характерно для сна, это – бессознательное состояние. Но так было не всегда. И сам Якоб Бёме знал еще совершенно иной вид сна, при котором сознание было исполнено реальным постижением мировых взаимосвязей.

Такой человек как Якоб Бёме, а затем и Гихтель, который с еще большим усердием осваивался с такой душевной конституцией, говорили: ну, если мы наблюдаем чувственные вещи глазами, постигаем мир другими чувствами и затем охватываем мыслью то, что здесь схвачено чувствами, то можно узнать много прекрасного о мире; но истинные тайны мира здесь не открываются. Все же здесь возвещает о себе лишь внешний образ мира.

Как сказано, Якобу Бёме и Гихтелю были знакомы такие состояния сознания, в которых они еще не спали, лишь грезили, но в которых сознание было исполнено ознакомлением с истинными мировыми тайнами, которые скрыты за чувственным миром. И они ценили их выше, чем то, что приобреталось для их чувств и для их разума. Чистое мышление еще не было для этих людей чем-то особенным. Но у них еще существовал противоположный образ, а именно сознание того, что человек способен воспринимать без своего тела. Ибо в таких состояниях сознания, которые не были ни сном, ни грезами, они все же знали, что подлинный человек в значительной степени вырвался из своего тела, но унес с собой силу крови, силу дыхания. И они знали: так как человек внутренне связан с миром, но бодрствующее тело затемняет его сознание единства, то человек, если он сделается до определенной степени независимым от этого бодрствующего тела, благодаря более тонким силам этого тела, которые, как я объяснил, древнее ясновидение высосало из тела, может достичь познания мировых тайн.

И так человек, именно входя в такие особые состояния сна,

приходил и к сознанию того, что, собственно, является сном. Такие люди, как Якоб Бёме или Гихтель, говорили себе: когда я сплю, то более тонкими членами моего существа я также пребываю в более тонкой природе вовне; я погружаюсь в более тонкую природу. Они чувствовали себя пребывающими в этой более тонкой природе. И когда они наблюдали, они знали: то, в чем я, как в своем более тонком человеческом существе, пребывал в более тонкой природе во время сна, а также и во время бодрствования. Я исполнен этим моим телом, когда я воспринимаю, когда я мыслю то, что в то время еще вовсе не было чистым мышлением. Итак, когда я, мысля, создаю образы, то в этих образах живет эта более тонкая человечность. Короче, для этих людей, когда они говорили: то, что я есмь во сне, продолжает жить во мне дальше также во время бодрствования, – имело реальное значение. И они чувствовали, например, как в бодрствующих состояниях сознания продолжает пульсировать дальше сон как душевная кровь.

Такой человек, как Якоб Бёме или Гихтель, говорил себе: когда я бодрствую, я все же продолжаю спать. Именно то, что происходит во мне во время сна, продолжает действовать и дальше. Это было иное ощущение, чем у современного человека, который уже перешел к абстрактному мышлению, к чистому интеллектуальному мышлению. Рано поутру этот современный человек просыпается и проводит разделительную черту между тем, чем он был во сне и что он такое теперь в бодрствующем состоянии. Он ничего не перетаскивает, так сказать, из сна – в бодрствующую жизнь. Он прекращает быть тем, чем он был во сне, когда начинает бодрствовать. Из таких соотношений сознания, каковыми они еще жили в таком человеке как Бон, который был гихтельянцем – как раз и выросло современное человечество, и благодаря этому оно осуществило то, что существовало, собственно, уже с первой трети XV столетия. Оно осуществило это, перейдя в бодрствующей дневной жизни к абстрактному интеллектуалистическому мышлению. Оно владеет сегодня всеми людьми. Они больше не мыслят образами. Образы они рассматривают как мифологию, как я отметил вчера. Они мыслят в мыслях, и они спят в Ничто (im Nichts).

Да, собственно, это не лишено действительно глубокого значения: эти современные люди спят в Ничто. Для Якоба Бёме, например, это совсем было бы лишено здравого смысла, сказать – я сплю в Ничто. Это приобрело смысл для современного человека, сказать: я сплю в Ничто. Я – ничто, когда я сплю, я оставляю мое Я и мое астральное тело во время сна. Я – ничто, но я вырываю себя из мира, который я воспринимаю своими чувствами, который я постигаю своим бодрствующим разумом. Я также во время

современного сна вырываюсь из мира, например – Якоб Бёме в особых, отклоняющихся от нормы состояниях сознания, видел с помощью тонких сил физического и эфирного тел, которые он еще уносил с собой в свое состояние сна.

Современный человек во время сна вырывается не только из своего мира чувств, но и из того мира, который был миром древнего ясновидца. И в мире, в котором человек пребывает от засыпания до пробуждения, он ничего воспринимать не может, так как это – будущий мир, мир, в который превратится Земля в тех состояниях, которые я описал в моем «Тайноведении» как состояния Юпитера, Венеры, Вулкана. Так что в действительности современный человек, который выдрессирован (простите выражение) в интеллектуалистическом мышлении, – во время сна живет в Ничто. Он – /не?!/ Ничто, я снова и снова должен это подчеркнуть, но он живет в Ничто, так как он еще не может переживать то, в чем он живет, будущий мир. Этот мир для него еще – Ничто. Но именно вследствие того, что современный человек может спать в Ничто, ему гарантируется свобода; ибо от засыпания до пробуждения он живет один, в свободе от всего мира, в Ничто. Он становится во время сна поистине независимым. Это очень важно – понимать, что тот особый род сна, каковым спит современный человек, дает ему гарантию свободы.

Древний ясновидящий, который воспринимал еще нечто от древнего мира, не от будущего мира, но который воспринимал от древнего мира, никак не мог быть абсолютно свободным человеком, так как он в этом восприятии становился зависимым. Собственно, отдых в Ничто во время сна делает современного человека, человека настоящего времени – свободным.

Итак, для современного человека имеются два противоположа. Во-первых, он во время бодрствования живет в мысли, которая является абстрактной мыслью, она уже не содержит образов в древнем смысле; он считает ее /их?/, как сказано выше, мифологией. И он живет во время сна в недействительности. Вследствие этого он освобождается от мира, вследствие этого он обретает сознание свободы. Мысленные образы не могут принуждать его, ибо они – абстрактные образы. Сколь мало могут принуждать отражения, столь же мало могут принуждать людей к чему бы то ни было мысленные образы вещей. Поэтому, поскольку человек схватывает свои моральные импульсы в чистых мыслях, он должен следовать им как свободное существо. Никакая эмоция, страсть, никакой внутренний физический процесс не могут побуждать его следовать тем моральным импульсам, которые он может схватывать в чистых мыслях. Но он также в состоянии следовать этим абстрактным мысленным образам, следовать этим чистым мыслям, так как во время сна он освобождается от всех

законов природы в собственном телесном, так как во время сна он действительно становится чистой свободной душой, которая может следовать нереальности мысли; в то время, как древний человек также и во время сна оставался зависимым от мира и поэтому не мог следовать нереальным импульсам.

У современного человека есть это двойное: у него могут быть чистые мысли, которые набросаны чисто интеллектуалистически, и принесенный в недействительное сон, в котором он пребывает, где сам он есть настоящее, но его окружение демонстрирует ему недействительное. Теперь главное. Видите ли, теперь в природе современного человека установлено, что он стал слабовольным из-за всего того, что он проделал. Современный человек вовсе не хотел бы допускать такой возможности, но это так: современный человек стал внутренне слабовольным. При желании, это можно понять также исторически. Стоит только взглянуть на мощные духовные движения, которые раньше распространялись, какими волевыми импульсами иногда действовали в мире основатели религий. Эта внутренняя волевая импульсивность современным человечеством потеряна. И поэтому современного человека можно воспитывать к мыслям о внешнем мире. Он рассматривает природу, впечатлевает природным процессам и природным существам свои абстрактные интеллектуалистические мысли, как если бы его внутреннее действительно было лишь зеркалом, отражающим все. Да, человек уже стал настолько слабым, что его охватывает ужасный страх, когда он какие-либо мысли производит из себя, когда он не просто считывает мысли в том, что предлагает внешняя природа. Так что чистое мышление в современном человеке развивалось сначала весьма пассивным образом.

Я говорю это не как порицание; так как если бы человечество сразу перешло к активному производству чистого мышления, то оно внесло бы в это мышление всяческие нечистые причуды из древнего наследия. Это было уже хорошим средством воспитания современного человечества, то, что люди типа грандиозных филистеров, как например, Бекон Веруламский, позволяли себе склоняться, соблазняться к тому, чтобы развивать свои понятия и идеи только на внешнем мире, позволять диктовать себе всему только из внешнего мира. И таким образом люди были постепенно приучаемы не жить в своих понятиях и идеях, в своем мышлении, но испрашивать себе мысли от внешнего мира. Некоторые получают это непосредственно, некоторые наблюдают природу или же рассматривают исторические документы. Они непосредственно приобретают себе мысли о природе, об истории. Затем они в них живут. Другие получают это только в школе. Люди сегодня уже от самого раннего младенчества угощаются школой такими понятиями, которые получены пассивным образом

во внешнем мире.

В этом отношении современный человек – это, собственно, нечто вроде мешка, только с отверстием сбоку. Он набирает в него всего из внешней природы и отражает это в своем внутреннем. Тогда это его идеи. Собственно, его душа только наполнена природными понятиями. Он – мешок. Если бы современный человек проверил, где у него его понятия, то он бы уже пришел к такому выводу. У некоторых это получается непосредственно, другие, действительно иногда наблюдают природу в той или иной области, но большинство вообще приняли это в школе, их понятия были им внушены.

В ходе столетий, начиная с XV столетия, человек воспитывался к этой пассивности понятий. И сегодня он уже рассматривает это как вид прегрешения, когда он внутренне деятелен, сам себе создает свои мысли. Да, природные мысли нельзя производить самому. Мы только загрязнили бы природу всяческими причудами, сами производя природные мысли. Но мы имеем в себе источник мышления. Можно производить собственные мысли, да, можно мысли, которые уже есть, поскольку они – именно абстрактные мысли, пронизать внутренней действительностью. Когда это происходит? Это происходит тогда, когда человек обладает столь сильной волей, что снова вдвигает своего ночного человека в дневную жизнь, и он не просто пассивно мыслит, но вдвигает в свои мысли своего человека, свое Я-существо, ставшее во время сна независимым. Это возможно лишь с чистыми мыслями.

Собственно, основная мысль моей «Философии свободы» была та, что я обратил на это внимание: в мышление, которое обрел современный человек, он действительно может вдвигать Я-существо. То Я-существо (в то время я это еще не мог высказать, но это так), которое в нынешние времена освобождается во время сна, оно может вдвигать себя в чистое мышление. И таким образом Я-существо человека становится действительно осознающим себя в чистом мышлении, когда он настолько понимает мысли, что активно, деятельно живет в них

Теперь с этим связано кое-что иное. Представим себе, что Антропософия излагается на манер современного естествознания. Люди принимают Антропософию, принимают сначала так, как приучен современный человек, неким родом пассивного мышления. Да, ее можно понять при наличии здравого рассудка, не прибегая к применению одной лишь веры. Мысли можно понимать лишь здравым рассудком. Но, тем не менее, их переживают пассивно, как пассивно живут во внешних природных мыслях. И потом приходят и говорят: да, у меня есть эти мысли из антропософского исследования, однако, я сам не могу их отстаивать, так как я их – как это сегодня многим нравится

говорить – я их принял только с духовно-научной стороны. Мы ведь часто слышим, как подчеркивают: это утверждает естествознание, а затем мы слышим то или иное с духовно научной стороны, с духовнонаучной точки зрения. О чем это свидетельствует, когда кто-то говорит – я слышу это с духовнонаучной стороны? Это означает, что он признается в том, что закоснел в пассивном мышлении, что и духовную науку он также хочет воспринимать только в пассивном мышлении. Ибо в тот момент, когда он решается сам в себе творить мысли, которые ему сообщает антропософское исследование, он также обретает способность всей своей личностью выступить на защиту их истинности, так как этим он переживает первую ступень их истины.

Иными словами: человек сегодня, в общем, еще не пришел к тому, чтобы ту реальность, которую он переживает как независимую реальность во сне, во время бодрствования вливать силой воли в мысли бодрственной жизни. Если мы хотим быть такими антропософами, которые, воспринимая антропософские мысли, не просто пассивно им предаются, но в мысли, в чистые мысли Антропософии сильной волей вливают то, что в течение каждой ночи имеет место во сне без сновидений, то мы поднимаемся на первую ступень того, что сегодня по праву называется ясновидением, тогда мы ясновидчески живем в мыслях Антропософии. Читать книгу с волевым усилием, не только лишь внося в антропософскую книгу свою повседневную жизнь, не читать так, как сегодня часто читают: часть позавчера, затем прервать, далее – вчера, затем прервать, затем так же сегодня и т.д. Сегодня люди читают только из одного своего житейского любопытства, а именно – только из дневной жизни. Так можно, естественно, читать Густава Фрейтага, так можно читать также Диккенса, можно так читать Эмерсона, но не антропософскую книгу. Когда мы читаем антропософскую книгу, мы должны входить в это всем человеческим существом, и как мы во сне бессознательны, т.е. у нас нет мыслей, но воля продолжает длиться, так мы и должны входить волей. Если вы жаждете того, что заключено в словах настоящей антропософской книги, то вы уже этим желанием становитесь, по крайней мере, мыслительно непосредственно ясновидящим. Да, видите ли, эта воля должна еще войти в тех, которые представляют нашу Антропософию! Если эта воля, как молния, вонзается в тех, кто представляет нашу Антропософию, тогда Антропософия сможет предстать перед миром правильным образом. Для этого требуется не какое-то колдовство, но энергичное желание, не только житейское любопытство, уставленное в книгу в течение дня. Сегодня, впрочем, люди уже даже не читают произведений с этим вполне житейским любопытством, сегодня им хватает чтения газеты,

когда они оживляются на несколько минут в день, чтобы усвоить, что там есть. Они не нуждаются даже в полном бодрствующем дне. Но все же, если им удастся всем своим человеческим существом погрузиться в книгу, которая происходит из Антропософии, тогда у них наступит оживление.

И это то, на что должны были обратить внимание в особенности те, которые должны быть ведущими личностями в Антропософском обществе. Ибо Антропософскому обществу наносится огромный вред, когда говорят: да, Антропософия возвещается людьми, которые не могут за нее постоять. Мы как раз должны прийти к простому пассивному интеллектуалистическому переживанию антропософских истин, чтобы достичь восхождения всем нашим человеческим существом к этим антропософским истинам. Тогда то, что является антропософским провозвестием, не будет встречено равнодушно, всегда сопровождаемое примечанием: «С духовнонаучной стороны нас уверяют», но тогда можно будет высказать антропософскую истину, по крайней мере – как собственное переживание, поначалу в том, что более близко человеку, например – в области медицины, физиологии, биологии, в области внешних наук или внешней социальной жизни. Даже если на этой первой ступени ясновидения будут доступными не области высших иерархий, а то, что действует в нашем непосредственном окружении как дух, то это также сможет быть предметом человеческой душевной деятельности современности. И это зависит от воли в самом широком смысле – встречаются ли в нашем Антропософском обществе люди, которые могут предъявить свидетельство этого, действительное свидетельство, так как это ощущается непосредственно, ощущается как живой источник истины, действительное живое свидетельство внутренней антропософской истины.

Это также связано с тем, что необходимо Антропософскому обществу: то, что в нем должны встречаться личности, у которых, если воспользоваться парадоксальным выражением, есть добрая воля к воле. Сегодня волей называют любое желание; но желание – это не воля. Многие хотели бы, чтобы удалось то или иное. Это не воля. Воля – это деятельная сила. Сегодня она в широчайшем значении слова отсутствует. Она отсутствует у человека современности. Но она не может отсутствовать в Антропософском обществе. Здесь спокойный энтузиазм должен основываться на сильной воле. Это также принадлежит к жизненным условиям Антропософского общества.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 4 февраля 1923г.

Для современного человека, как мы, вероятно, могли убедиться

из вчерашних рассматриваний, очень важно ориентироваться во всем ходе развития человечества, чтобы проникнуться сознанием, которое должно стать современной душевной конституцией, чтобы человек мог быть в истинном смысле слова человеком.

Позавчера, чтобы указать на эту важность осознания времени я употребил следующее сравнение. Я отметил, что одна из задач насекомого – в том, чтобы всегда, синхронно с течением года, проделывать определенные формообразования в себе самом. Насекомое участвует в кругообороте года своим собственным формированием. У него вполне определенные телесные преобразования весной, летом, осенью и зимой, и оно совершает кругооборот своей жизни синхронно с этим ходом года. Затем я отметил, что и человек сегодня должен находить возможность сознательно включаться, только уже не в краткие кругообороты времени, а в весь кругооборот Земли, в исторический ход земного бытия. Он должен знать, как должны были формироваться его душевные переживания в древние времена, как в средние века, и как они должны формироваться сегодня.

Оглядываясь назад, в древние времена развития человечества, и видя, как человечество получало свою силу из мистерий, силу познания, силу жизни, мы находим, что тем, которые должны были стать посвященными в мистерии, в какой-то мере всегда вполне определенным образом указывалась цель их посвящения. Посвящаемые должны были уяснить, что им предстоит проделать упражнения, которые в конце концов ведут к переживанию смерти; человек должен в земном бытии пройти, познавая, через смерть, чтобы из этого переживания познания смерти приобрести дальнейшее познание своего собственного, вечного, бессмертного существа. Это была тайна древних мистерий: из переживания познания смерти приобретать достоверное знание о человеческом бессмертном существе.

Итак, мы в ходе этих дней видели, в чем здесь дело. Дело здесь в том, что человек в те древние времена не смог бы прийти к своему человеческому самопознанию иным путем, чем представлением себе того, что происходило с ним непосредственно после смерти. Человек тех древних времен мог стать мыслящим свободным существом, как сегодня, осознающим себя уже в земном бытии, только после смерти. В древние времена развития человек только после смерти мог сказать: я действительно являюсь самостоятельным существом, самостоятельной индивидуальностью. Взирай по ту сторону смерти – так, например, могли сказать своим ученикам древние мудрецы – и ты узнаешь, что есть человек.

Поэтому человек в мистериях должен был пройти опыт смерти, чтобы из процесса смерти обрести убеждение в вечной жизни и вечном бытии. В сущности, поиск мистерий был поиском смерти,

чтобы найти жизнь.

Сегодня у человека это обстоит иначе; в этом и состоит важнейший импульс развития человечества. То, что человек в древние времена проделал после смерти, что он стал сознательно мыслящим существом, стал существом свободным, сегодня человек должен это обрести в течение времени между рождением и смертью. Но как он это здесь осуществляет? Сначала он формирует свои мысли, упражняя самопознание. Но теперь мы, позанимавшись в течение некоторого времени существом человека с определенной точки зрения, нашли: эти мысли, в особенности мысли, которые развивает человек, начиная с первой трети XV столетия, со времен Николая Кузанского, как мысли – мертвы, они – трупы. То, что жило – жило в предземном бытии. Перед тем, как человек как душевно-духовное существо спустился на Землю, он пребывал в духовной жизни. Эта духовная жизнь умерла при вступлении в земную жизнь, и он это умершее переживает в себе как свое мышление. Первое, что человек должен познать, это – то, что, хотя он и может прийти в новое время к действительному самопознанию, к познанию самого себя как духовно-душевного существа, но то, что получается из этого самопознания – мертвое, духовно подобное трупу. И именно в это мертвое, в это духовно должно вливаться то, что приходит из воли, из той воли, о которой я вчера сказал, что она от засыпания до пробуждения пребывает в Ничто, будучи зафиксированной в астральном теле и Я. Я должно внедряться в мертвые мысли и должно их оживлять.

Поэтому вся заботливость и основательность во время посвящения в древние времена была по существу направлена на то, чтобы кое-что в человеке приглушить, демпфировать. Собственно, древнее посвящение было чем-то вроде успокаивания внутренних человеческих сил и способностей. Исследующий ход древнего посвящения найдет, что человек при этом проходил, по существу, воспитание посвящением, которое вело его к тому, чтобы внутренне, так сказать, успокаивать взволнованность, подавлять присутствующую в обычной жизни внутреннюю эмоциональность, чтобы то, что человек имел в обычной жизни, чтобы наполненность всего его существа божественно-духовными силами, которые еще вплетены в Космос и живут в нем, стала бы приглушенной и он сознательно утонул бы в роде сна, чтобы в приглушенном до разновидности сна сознании он мог бы тогда пробудить то, что иначе переживает только после смерти: спокойное мышление, ощущение себя как индивидуальности. Так что эта древняя система посвящения было чем-то вроде успокоительной системы.

У человека современности эта тоска по покою многократно усилилась, и он чувствует себя хорошо, когда его согревают

древние принципы посвящения и он снова подводится к ним. Но это больше не соответствует существу современного человека. Современный человек может приближаться к посвящению только вследствие того, что со всей глубиной и со всей интенсивностью он скажет себе: когда я взираю в самого себя, я нахожу свое мышление. Но это мышление – мертво. Я не должен больше искать смерть. Я несу ее в моем духовно-душевном существе. В то время как древний посвящаемый должен был доводиться до ступени, где он переживал смерть, современный посвящаемый должен был бы все больше и больше уяснять себе: в моей душевно-духовной жизни присутствует смерть. Я несу ее в себе. Я не должен ее искать. Напротив, я должен из внутренне соответствующего воле творческого принципа оживлять мертвые мысли. И теперь все нацеливается на это оживление мертвых мыслей, как я представил это в «Как достигнуть познания высших миров?», на это внедрение воли во внутреннюю душевную жизнь, чтобы человек проснулся. Так как в то время, как древнее посвящение должно было быть чем-то вроде усыпления, новое посвящение должно быть чем-то вроде пробуждения. То, что человек бессознательно переживает во время сна, должно вноситься именно в интимнейшую душевную жизнь. Человек своей активностью должен достичь того, чтобы внутренне пробудиться.

Для этого необходимо постичь понятие сна во всей его относительности. Мы должны себе ясно представлять, что собственно современное антропософское познание представляет под этой идеей сна. Поставим рядом двух человек, один из которых не знал бы ничего обо всех этих вещах, которые предлагаются антропософским познанием, и мы ставим рядом с ним человека, который действительно принял антропософское познание с внутренним участием, с внутренним интересом, не только путем пассивного слушания или пассивного чтения, но с внутренним интересом; тогда тот, который не принял Антропософию, является как бы спящим по отношению к тому, который Антропософию принял и пробужден антропософским познанием, как человек пробуждается утром, когда он из бессознательности погружается в свое физическое тело. И мы приобретаем правильную позицию в Антропософии, правильную ориентацию на Антропософское движение только тогда, когда мы видим, что оно дает нам нечто вроде утреннего пробуждения, когда мы в приближении к Антропософии ощущаем нечто поистине сходное с тем, что мы ощущаем, когда из бессознательности сна переходим к восприятию внешнего мира. И если мы можем также испытывать чувство, как погружение в физическое тело при нашем пробуждении не только дает нам познание, но дарит нам мир, так погружение в Антропософию

дарит нам познание мира, познание, которое теперь уже не только познание, но – мир, мир, в который мы пробуждаемся. До тех пор, пока мы рассматриваем Антропософию лишь как другую систему мира – мы лишены правильного ощущения по отношению к Антропософии. Верным ощущение Антропософии будет только тогда, когда человек, становящийся Антропософом, ощущает, что он в Антропософии пробуждается. И он пробуждается, если он скажет себе: понятия и идеи, которые мир давал мне до сих пор, это – трупы понятий, трупы идей, они мертвы. Антропософия пробуждает мне этот труп.

Понимая это в правильном смысле, вы становитесь выше всего того, что часто говорится против Антропософии и понимания Антропософии. Говорят, к примеру: человек, который не является Антропософом, сегодня в мире что-то изучает. Оно ему доказывается. Он может это понять, так как это ему доказывается. В Антропософии же – лишь представляются утверждения, которые остаются без доказательств! – так мир заявляет очень часто. Но мир не знает, как в действительности обстоит с тем, что он считает доказанным. Мир должен был бы прийти к тому, что все эти законы природы, все эти мысли, которые человек образует в мире, если их верно переживать – являются чем-то мертвым. То, что ему доказывается, является чем-то мертвым. Он не может этого понять. Только если начинают то, что сегодня является обычным мировоззрением, ощущать как нечто мертвое, тогда говорят себе: я не понимаю как раз того, что мне доказано, как я не понимаю труп, ибо он является остатком живого. Я только тогда понимаю труп, когда я знаю, в какой степени он был волнуем жизнью.

Итак, надо сказать себе: то, что сегодня значимо как доказанное, именно это, в действительности, при более глубоком вникании, может уйти от понимания. И, собственно, лишь только тогда пробивается понимание в то, что нынче принято цивилизацией, когда в него позволяют пробиться искре Антропософии. И прав тот, кто, скажем, простому нынешнему естествоиспытателю, который приходит к нему и говорит: я могу мой предмет доказать, ты же – доказать его не можешь, – отвечает: конечно, ты можешь все доказать своим способом, но именно то, что ты мне доказал, лишь тогда становится для меня понятным, когда я позволяю пробиться в него искре Антропософии. Это должно было бы быть ответом из всецело проникнутого живой духовной жизнью сердца антропософа – не-Антропософу. Антропософ должен был бы сказать: одним своим естественнонаучным ты себя усыпляешь; ты усыпляешь себя настолько, что говоришь: мое естественнонаучное знание – ограничено, я совсем не могу пробудиться, я могу лишь констатировать, что своим естественнонаучным я вообще не

приближаюсь к духовному. У тебя к тому же есть еще и теория твоего сна, правомерности твоего сна. Но именно эту теорию правомерности твоего сна я хочу опровергнуть тем, что то, что здесь является сном, я довожу до пробуждения.

На нечто в этом роде я обратил внимание в первой главе моей книги «О загадках души». Я высказал там то, что, к тому же, неоднократно повторялось в лекциях, что человек, который остается при современной цивилизации, говорит именно о том, что мы приходим ко всяческим границам познания, которых нам не перейти; и на этом он успокаивается. Но это успокоение – не что иное, как нежелание пробуждения; он хочет оставаться спящим. Тот, кто хотел бы войти теперь в духовный мир в сегодняшнем смысле, должен начинать бороться постановкой внутренних душевных задач именно там, где другой устанавливает границы познания. И когда он начинает борьбу с теми идеями, которые устанавливают ему здесь границы, ему постепенно начинает открываться вид в духовный мир. Нужно только то, что предлагается Антропософией, принимать как следует.

Возьмите, к примеру, первую главу книги «О загадках души». Она, возможно, написана не слишком совершенно, но все же в любом случае можно понять, с каким намерением она написана. Написана она с намерением сказать себе: если я остаюсь в современной цивилизации, то мир для меня, собственно, заколочен досками. Вот познание природы: мы шагаем вперед, затем появляются доски; здесь мир для меня заколочен. То, что стоит в первой главе «О загадках души», это попытка заступом пробиться сквозь эти доски. Если у нас есть чувство, что мы исполняем работу, чтобы прорубить заступом доски, которыми столетиями заколочен мир, если мы рассматриваем слова именно как заступ, то мы приближаемся к душевно-духовному.

У людей часто возникает бессознательное чувство: такая, скажем, глава, как первая глава книги «О загадках души», написана, ведь, пером, чернилами. Но она написана не пером, она написана душевным заступом, который стремится снести доски, которые заколачивают мир, т.е. стремится устранить границы познания природы, но стремится устранить их внутренней душевной работой. Так что при чтении такой главы надо сотрудничать в душевной деятельности.

Весьма примечательно, какие идеи возникают именно при чтении антропософских книг. Я понимаю эти идеи, часто им не противоречу, поскольку они имеют свое значение для частных случаев; но мы возьмем, к примеру, «Тайно-ведение». Приходили люди, которые думали, что они могли бы кое-что сделать мне для этого «Тайноведения», если бы они все «Тайноведение» нарисовали, чтобы оно в образах стояло перед людьми. Возникло это страстное желание. Были даже предприняты попытки. Я

ничего не имею против: если эти попытки хороши, то можно даже любоваться ими, ведь делать такое – в порядке вещей. Но из какого неосознанного желания они вытекают? Они вытекают из подсознательного желания убрать то, что развивается в «Тайноведении», и поставить перед человеком образы, которые опять не что иное, как доски. Ибо то, откуда это вытекает – не что иное, как то, чем стал наш язык и чем стало наше ужасное письмо, это страшное письмо или вовсе мазня. Чем индивидуальнее мы создаем эти образы, тем лучше. Если нам в этом предшествует другой, то он замуровывает нам мир. Разумеется, я не хочу произносить филиппику против художественного оформления того, что представлено в «Тайноведении» в имагинациях, но я хотел бы лишь указать на то, что, в сущности, необходимо каждому – принятие этого предмета в переживании.

Сегодня эти вещи должны быть поняты правильным образом. Нужно именно прийти к тому, чтобы принимать Антропософию не только как нечто, во что мы углубляемся таким же образом, как углубляемся в другое, но нужно принимать ее как то, что предполагает глубокую перестройку и всестороннее восприятие, что предполагает, что человек становится иным, чем был прежде. Скажем, когда, например, излагается астрономический раздел Антропософии, можно сравнить его с обычной астрономией и затем начать его доказывать или опровергать. Это совсем не имеет смысла, но мы должны себе уяснить: черпаемый из Антропософии астрономический раздел понятен лишь при глубокой перестройке и всестороннем переживании. Если сегодня где-либо появляется опровержение какого-либо антропософского раздела, а затем, теми же средствами – опровержение этого опровержения, то этим совсем ничего не сделано, действительно – не сделано совсем ничего, так как говорят о том и о другом, но с одним и тем же образом мыслей. Дело вовсе не в этом, дело в том, что от новой жизни несет Антропософия. И сегодня это совершенно необходимо.

ЗЕМНОЕ ЗНАНИЕ И НЕБЕСНОЕ ПОЗНАНИЕ. ЧЕЛОВЕК КАК ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕК КАК ЗЕМНОЙ ЗАТВОРНИК

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 9 февраля 1923г.

В предшествующих рассмотрении мы занимались, в сущности, тем, чтобы показать, как человек может приобрести сознание своего современного положения в развитии человечества Земли в нынешнее время. Ведь и в кругах, которые сегодня ничего знать не желают о познании духовных миров, создаются некие представления об этом осознании отношения человека к Вселенной. И мы хотим вызвать перед нашей душой то, что в этом отношении, в этом направлении становится сегодня столь обсуждаемым. Ведь также и в том случае, когда все воззрения на Вселенную выводятся из внешних чувственных восприятий и интеллектуального постижения этого чувственно воспринимаемого, говорят о том, что все мирознание современного человека в течение последних столетий стало другим. Здесь имеется в виду большой перевернутый, произведенный в мирознании человека коперниканским мировоззрением.

Стоит лишь оглянуться на столетия, предшествовавшие коперниканскому мировоззрению, оглянуться, например, хотя бы на упоминаемое здесь в последнее время схоластическое мировоззрение, и мы найдем, что для этого мировоззрения в звездных мирах присутствовали духовные силы и духовные существа. Мы услышим, что говорили схоластики о жителях звезд, которые принадлежат к высшим иерархиям в развитии существ.

Так что люди того мировоззрения, направив взгляд вовне, в Универсум, на планеты нашей системы, на звездное небо, развили сознание того, что к ним проникает не просто эфирно-материальный свет звездных миров, но что в какой-то мере при виде звездного неба в их души проникают взгляды духовных существ, внешнее воплощение которых надо видеть в звездах. Затем наступило то, что сегодня, когда человек направляет взгляд на планеты, на другие звезды, он, прежде всего, создает себе картину того, как материальные и пронизанные эфиром тела свободно парят в космическом пространстве, как от этих звезд исходят световые воздействия. Но человек вовсе не думает, что с этих звезд его встречают взгляды духовных существ высших иерархий.

Бездушная и бездуховная стала для современного человека Вселенная. И в области земного бытия человек древних времен находил то, что своей духовной жизнью было внутренне связано с духовной жизнью Универсума. В духовных существах других планет были творческие силы, которые работали с тем, что здесь,

в человеке, развивается духовно-душевно, можно сказать, – духовно-душевно-физически. Люди, скажем, направляли взгляд к Сатурну. В силах, которые спускаются с лучами света от Сатурна к Земле, они видели те силы, которые действуют в человеческом существе, вызывая в нём силу памяти. Направляя взгляд на Юпитер, они связывали Юпитер с духовными существами высших иерархий, которые ниспосылают свои воздействия человеку так, что следствием этих действий является формирование в человеке силы фантазии. Они взирали на Марс: у них возникало воззрение, что силы духовных существ Марса, которые действуют в человеке, дают человеку силу разума.

Так человек древнего человечества Земли взирал вверх, на звездное небо и видел в звездном небе истоки того, что он воспринимал духовно-душевно-физически в себе самом.

Человек чувствовал себя сопричастным существам высших иерархий, и внешние проявления этих существ высших иерархий он видел в звездах.

Одновременно с появлением коперниканского мировоззрения отпала также и эта картина мира. Ибо находили вполне понятным, что Земля, которую видели находящейся под влиянием чрезвычайно многих духовных сущностных сил Вселенной, для человека, я бы сказал, была даром всей Вселенной; человек, живя на Земле, видел на этой Земле слияние действий бесчисленных существ. Чувствуя себя в какой-то мере землянином, человек в то же время чувствовал себя гражданином Вселенной. Он взирал вверх, к богам, почитал своих богов, но говорил об этих богах так, словно это было заложено в их намерениях – определить ход развития человечества на Земле. Земля в ее истории, Земля как место жительства человека объяснялась тем, что постигали из Космоса, из Вселенной. С небес объясняли себе Землю и у богов искали цели того, что видели в окружении земных событий и с чем были внутренне взаимосвязаны как люди.

То, что сформировалось из коперниканского мировоззрения, дало современному человеку совсем другой образ мира. Человек все больше ощущал, что Земля – это незначительное мировое тело, которое летает вокруг Солнца. И, размышляя по-современному о том, какое отношение имеет эта Земля к остальной Вселенной, к Космосу, он не мог называть эту Землю иначе, чем пылинкой во Вселенной. Все другие небесные тела, заметные его глазу, представлялись ему более значительными, чем Земля; так внешняя физическая величина становилась для него в значительной степени определяющей. И в этом отношении Земля может быть сопоставимой разве что с немногими небесными телами.

Так Земля все больше становилась для человека лишь пылинкой во Вселенной, и человек чувствовал себя на столь

незначительной по отношению к Вселенной Земле незначительным также и в Космосе, незначительным во Вселенной. Он ведь больше не поддерживался в этой Вселенной духовными силами. Ему уже должно было представляться невозможным верить, что происходящее на этой ничтожной пылинке во Вселенной по имени Земля связано с некими целями божественных существ Универсума. Я бы сказал: все то, что человек видел на Земле в силу того, что он познал небо, населенное духами и духовными силами, все это в новое время для человека утрачивалось. Вселенная становилась бездушной и лишенной духа. Земля сморщивалась до незначительной пылинки в бездушном и лишенном духа мире.

Такую перемену образа мира надо понимать не только с точки зрения теоретического объяснения мира, но и с точки зрения самого человеческого сознания. Совсем иным осознавал себя человек, который видел себя на Земле, на которую оказывали влияние бесчисленные духовные существа, которые имели свое осуществление, свои намерения в человеке Земли, совсем иначе эти намерения действовали на человека, чем пустое, лишенное духа пространство, в котором стоят и передвигаются светящиеся, пространственно сформированные мировые шары, в отношении деятельности которых нельзя принять во внимание ничего иного, чем их движение в пространстве, чем их явление благодаря свету. Насколько иным теперь должен был видеть себя человек, осознавая себя находящимся на одном из самых малых мировых тел, в бездуховном, в бездушном пространстве, чем в прежней картине мира. И, тем не менее, однажды, в ходе развития человечества, этот мировой образ должен взойти снова. То, что некогда древнее человечество знало о небесах и их жителях, божественно-духовных существах, это было интуицией, имагинацией древнего сновидческого ясновидения, это было чем-то, что как такое ясновидение само по себе нисходило в человека из Вселенной. Нужно только правильно представлять себе этот предмет. Когда человек древних времен взирал на Сатурн, Юпитер, Марс и видел деятельность в этих мировых телах божественно-духовных сил, то это было потому, что откровения этих мировых тел проникали в его внутреннее и отражались в нем, так что он, благодаря влияниям Вселенной, Космоса, знал, что струится из Космоса на Землю. Так, благодаря тому, что давало Небо, ему становилась понятной Земля. Человек взирал вверх, к своим богам, и знал, каким существом он является на Земле.

В современной картине мира он всего этого не видит. В современной картине мира Земля сморщена до пылинки Вселенной, и человек стоит теперь на этой пылинке как мелкое, ничтожное существо. Теперь боги звезд больше ничего ему не скажут о растениях, животных и других царствах Земли. Теперь он

должен направлять свои чувства только на то, что живет в минеральном, растительном, в животном, в человеческом царстве, что ткёт в ветре и в волнах, что пребывает в облаках, в молнии и громе. Теперь он не может принимать никаких откровений кроме тех, которые предоставляют ему его органы внешних чувств о вещах Земли, и он может лишь заключать из земных чувственных вещей о том, что существует во Вселенной, соответственно их чувственно-интеллектуальному проявлению.

Человек в пятую постатлантическую эпоху испытал значительное изменение, которое означало развитие, раскрытие души сознатальной. Надо было, чтобы все то, что прежде приходило к нему из Вселенной в силах, и затем снова внутренне вспыхивало в его душе, в какой-то мере было из человека выжато, чтобы он смог быть здесь и сейчас, говоря себе: я ничего не знаю, как если бы я жил на пылинке Вселенной. Этот Универсум не дает мне ничего, что пролило бы свет на духовно-душевное, живущее во мне. Если я хочу пережить в себе это духовно-душевное, я должен выжать его из моего собственного существа. Я должен отказаться от того, что открывающие силы приносят мне из далей Вселенной. Я должен из собственного усилия, из собственной активности наполнять мою душу, и разве что надеяться, что в том, что бьет ключом из моей души, живет нечто, что из человека дает мне разъяснение Универсума.

Раньше человек имел возможность из того, что открывал ему Универсум, получать откровение о себе, как о человеке. У него были основания считать себя сыном Неба, так как сами небеса ему говорили, что он – сын Неба. Теперь же он становился в той или иной степени затворником Земли, который должен крепиться в своей уединенности на пылинке Вселенной, чтобы в своей заброшенности развивать то, что может в нем развиваться и уповать на то, что открывающееся в нем внутри явится чем-то, дающим объяснение Универсума.

И долгое время, на протяжении столетий то, что обнаруживалось внутри, не давало ничего для объяснения Универсума. Человек описывал минеральное царство с помощью представлений о пространственно-временных силах. Затем он описывал принцип действия этого минерального царства в геогнозии, в геологии. Он описывал внешние чувственные процессы, как они происходят, как растения прорастают из минеральной почвы Земли. Он описывал также чувственные процессы, которые разыгрываются в существе животного и в самом физически-человеческом. Он наблюдал все на Земле, исследуя то, что ему об этом земном бытии говорили чувства. Но они, прежде всего, ничего не говорили ему о его собственной душе, о его собственном духе. Именно из этого мирового настроения, если его правильно понимать, из этого настроения,

которое можно понять, к примеру, из следующих слов: я, человек, я – земной затворник на пылинке Универсума, – то именно из этого настроения должен был прийти импульс: в свободном внутреннем раскрытии развивать собственно человеческое.

И здесь должен был возникнуть большой, всеобъемлющий вопрос: действительно ли во всем, что меня окружает, что здесь на Земле видят, осязают, слышат и т.д. мои органы чувств, что рассудок может из этого комбинировать, действительно ли в этом моем окружении нет ничего, что даст мне больше, чем могут мне сказать чувства?

Человек развил науку. Но эта наука, сколь бы интересной она ни была, не скажет ничего о человеке, она имеет своей целью абстрактные, мертвые понятия, завершающиеся затем в законах природы. Но все это оставляет безразличным к человеку. Человек едва ли может быть лишь слиянием этих абстрактных понятий, так сказать, неким шкафом для всех законов природы! Ибо эти законы природы лишены душевного, лишены духовного, хотя они и замыслены из человеческого духа.

Так вот, тем человеком, который ощущал это настроение в весьма значительное в развитии мировоззрения время, был молодой Гёте. И отпечатком того, что он здесь ощущал, есть то, что описано в первоначальном облике, который он придал своему «Фаусту». Вспомним, как Гёте представил Фауста в первоначальном облике, который он придал своему «Фаусту», еще помнящему, что человек должен был искать во Вселенной, как он стремился чувствовать себя духом и душой среди духов и душ, и сколь отверженным он ощущает себя в силу бездушного и бездуховного мирового бытия. Как он хватается затем за древние откровения мистического, магического, распахивая старинную книгу, в которой находит описания, как высокие иерархические существа живут в звездах и в движениях звезд, книгу, которая говорит о том, как возносятся и нисходят силы небесные, подавая себе золотые ведра.

Такое воззрение существовало, но такое воззрение больше не волнует человека в то время, в которое Гёте помещает Фауста. И Фауст, как и Гёте, отворачивается от древнего толкования Универсума, которое во всей Вселенной искало духовно-душевное, и чеканит символ духа Земли. И мы затем читаем примечательные слова, высказываемые этим духом:

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье -
Вечное море;
Жизнь и движенье

В вечном просторе....
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

(Перевод Н. Холодковского).

Здесь, все же, что-то неправомерное в том, как этот дух Земли относится к Фаусту, что Гёте и объясняет падением Фауста под действием этого духа Земли и тем, что он подвергается затем влияниям Мефистофеля.

Если монументальные, лапидарные слова, которые говорит дух Земли, представить в свете конкретного мировоззрения и быть достаточно непредвзятым к суждению, которое, собственно, ощущал сам Гёте, когда он не прекратил писать сцену с духом Земли в «Фаусте», но продолжил ее, если ставить себе все это на вид, то все же придется впасть в некий род ереси по отношению ко многому, что было сказано и напечатано о «Фаусте», но что, однако, несомненно не отражает действительного убеждения, действительного воззрения Гёте. В конце концов, чего только не говорилось в отношении «Фауста»!

Вновь и вновь рассматривая слова, которые позднее в ходе поэмы Фауст говорит 15-летней юной Гретхен: «Он, вседержитель и всехранитель... Нет имени Ему! Все в чувстве! А имя – только дым и звук, туман, который нам свет неба затемняет» (пер. Холодковского), мы ведем себя чудовищно философски, цитируя все то, что должно быть отпечатком собственных душевных понятий, цитируем то, что Фауст дает как назидание юной девушке. Это – назидание юной девушке. Это, собственно, компрометирует, когда люди, которые хотели бы быть рассудительными, понимают это наставление юной девушке как квинтэссенцию того, что мы можем приводить как формулировку мировоззрения. Все же, хотя это и кажется чем-то еретическим, именно это дает в итоге беспристрастное рассмотрение.

Но это – нечто схожее также с лапидарными, монументальными словами, которые изрекает дух Земли: «В буре деяний, в волнах бытия» и так далее. Прекрасные слова, однако – очень общие; мы находим в этом нечто от мистического пантеизма чувственно-туманного рода. И мы читаем далее примечательные слова, которые произносит сам дух Земли:

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение -
Вечное море;
Жизнь и движение
В вечном просторе....

Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Это не вызывает у нас ничего, что дало бы нам способность конкретно заглянуть в Универсум, в Космос. Гёте почувствовал это вполне определенно, особенно – позже, так как он не остался при этом, он сочинил пролог в небесах. И если мы возьмем пролог в небесах: «Звуча в гармонии вселенной /Ив хоре сфер гремя, как гром, / Златое солнце неизменно / Течет предписанным путем» (пер. Холодковского), и так далее, то это гораздо больше напоминает о силах небесных, которые парят вверх-вниз, подавая друг другу золотые ведра, чем о несколько туманных приливах и ткании духа Земли. Гёте отошел от этого, если не сказать – обожания духа Земли, от чего-то в этом роде. Позднее, будучи более зрелым, Гёте больше не рассматривает этого духа Земли как исключительно того, к которому он хотел бы обращаться в облике Фауста, но он снова обращается к великому мировому духу, духу Универсума. И если слова, которые дух Земли произносит в первом варианте Фауста – прекрасны, лапидарны, монументальны, то слова, которые теперь произносит дух Земли, также имеют удаленное сродство – чтобы быть исторически корректным, скажу лишь об отдаленном сродстве – удаленное сродство с «Он, вседержитель и всехранитель...» – с назиданием 15-летней юной девушке. Почему бы им не быть прекрасными? Наставляя юных девушек, надо беспокоиться именно о том, чтобы им говорились поистине прекрасные вещи, само собой разумеется! Почему они не должны быть прекрасными?

Нам должно быть ясно, что Гёте, как зрелый муж, отнюдь не в туманном пантеизме видел то, что дает человеку истинное мирознание.

Но в основе этого лежит еще нечто совсем иное. Гёте при его конкретном способе – по меньшей мере, конкретном до определенной степени – рассматривать мировые вещи, не смог бы обрисовать своего Фауста так, если бы он сделал его представителем человечества, скажем, для XI, XII столетий западноевропейской цивилизации. Он должен был бы принять тогда другой облик, но он никогда не был бы в состоянии изобразить этот облик так, как он изобразил своего Фауста. Фауст не смог бы отложить книгу Нострадамуса и отвернуться от великого мирового духа к духу Земли, ибо в то время наличествовало сознание: если человек действительно понимается как сын неба, то ему духи небесные должны что-то сказать о его собственном существе. Но Фауст является представителем человечества, принадлежащего к XVI столетию, т.е. уже к пятому постатлантическому периоду, тому периоду, который приближается к воззрению: я живу как земной затворник

на пылинке Универсума. И для молодого Гёте было бы уже не вполне честным – заставлять Фауста взирать на великого мирового духа. Это не могло иметь места в случае Фауста, как представителя человечества, так как человек в своем сознании был уже лишен связей с небесными силами, возносящимися и нисходящими, подающими друг другу золотые ведра, т.е. – с существами высших иерархий. Это погрузилось во мрак, для сознания человечества этого больше не существовало. Так что Фауст мог придерживаться только того, с чем он мог быть связан как земной затворник: он обращался к Гению Земли.

То, что Фауст обращается к Гению Земли, это – как оно выступает у Гёте – нечто радикально грандиозное: ибо это – поворот, который совершило человеческое сознание в этот век, поворот от погружающихся во мрак властей небесных к Гению Земли, на которого указал Сам Дух, пришедший благодаря Мистерии Голгофы. Ибо этот Гений, который пришел через Мистерию Голгофы, связался с Землей. Связавшись с развитием человечества Земли, Он дал человеку силу в те времена, когда тот уже не мог больше взирать наверх на духов небесных, заглядывать к духам Земли, и духи Земли сами говорили теперь в человеке. Раньше это были звезды в своем тканьи, которые открывали небесные слова человеческой душе, и она могла толковать эти небесные слова и познавать их. Теперь человек должен взирать на свою связь с Землей, т.е. вопрошать самого себя, говорит ли в нем Гений Земли.

Но Гёте в свое время мог добиться у Гения Земли лишь туманных слов, мистических пантеистических слов. Это верно, грандиозно, что Фауст обращается к Гению Земли, но я хотел бы сказать, совсем уж грандиозно то, что Гёте еще не позволяет этому Гению Земли высказать нечто такое, что уже может удовлетворять. То, о чем Гений Земли лишь заикается относительно мировых тайн в мистических, пантеистических формулах, вместо того, чтобы высказывать их четко очерченным образом, именно это указывает на то, что Гёте гениально вставил своего Фауста в тот век, в котором он видел своего Фауста и себя.

Но мы должны ощущать это столь прекрасно изображенное Гёте отношение Фауста к Гению Земли, что Гений Земли постепенно становится все более понятным человеку, что он все больше в отчетливых контурах открывается человеку, когда активность собственной души человека, активность его собственного духа позволяет открываться тому, что пребывает в небесах. Раньше небеса человеку открывали то, что он должен был знать для Земли; теперь же человек обращается к Земле, ибо Земля все же – небесное создание. И если мы знакомимся с гением или с гениями, которые раскрыли свое местонахождение на Земле, тогда мы, тем не менее, знакомимся с тем, что имеет

отношение к небесам.

Это было, к примеру, также методом, заложенным в моей книге «Очерк тайноведения». Здесь обо всем, что должно быть сказано, вопрошалось во внутреннем человека. И здесь, собственно, очень многое принесено действительно из духа Земли. Но дух Земли говорит о времени Сатурна, о времени Солнца, о лунном времени Земли, о времени Юпитера, времени Венеры. Дух Земли говорит нам о том, что мы сохранили в своей памяти об Универсуме. Некогда мы обращали взор в небесные дали, чтобы объяснить себя для Земли, нынче погружаем взгляд вовнутрь, в собственное человеческое существо, вслушиваясь в то, что дух Земли должен был сказать в человеческой природе из мировой памяти, и приобретая макрокосмическое познание через понимание Гения Земли. Сегодня, естественно, если мы придаем истинное значение духовной науке, духопознанию – уже не представить беседу Фауста с духом Земли так, как ее представил Гёте, хотя представлять ее так в его время – было гениальным.

Сегодня Гений Земли не мог бы говорить в тех общих, абстрактных словах, о которых можно сказать, что они выражают нечто, что в то же время может быть парящей водной волной. Только это – мистически темное, так как эта гуляющая волна сидит теперь снова за ткацким станком и ткёт! Я знаю, правда, что многие чувствуют себя чрезвычайно хорошо, если у них в душе шевелится нечто такое неопределенное; но вследствие этого, тем не менее, нам не достигнуть внутреннего человеческого сознательного укрепления, в котором мы нуждаемся, как современные люди. Это всегда нечто от грез или же от опьянения: «Он, вседержитель и всехранитель...», «В буре деяний, в волнах бытия», всегда немного вне себя, не вполне в себе. Это сообщает людям определенно приятное чувство, если они умеют немного быть вне себя, лучше всего – совсем вне себя, и можно давать разъяснения о мире всяческих привидений.

Вместе с тем я хотел бы именно намекнуть, что мы не смогли бы поступать в нынешнее время иначе, чем так, как нас вертит Гений Земли, который живет в нас! Дело обстоит именно так: если взять то, как нам преподносят естественнонаучные идеи нового времени, просто как это внесено сегодня во внешнюю цивилизацию, то оно остается абстрактным, оставляет человеческое сознание холодным. Но если начать бороться с этими понятиями, бороться даже с абстракциями Геккеля, тогда из этой борьбы приходит нечто вполне конкретное, нечто непосредственно переживаемое: тогда приходит великое познание нас самих, что мы, хотя, и получаем сперва безразличные естественнонаучные идеи, но эта форма, ведь, всего лишь маска. Мы только должны помнить, что то, что мы здесь приобретаем, говорит нам Гений Земли. Только то, что мы слышим сперва

абстрактным рассудком, мы должны прослушивать всем душевным слухом. И благодаря этому, слушая, мы учимся понимать Гения Земли конкретным образом.

Тем самым мы приближаемся к тому образу действия, каким человек должен добиваться мирового сознания в эпоху развития души сознательной. Эти вещи должны постигаться человеком, тогда он приходит с ощущением, так сказать, с кровью своего сердца, к антропософскому мироощущению. И современный человек должен его приобретать, не только отдельные идеи о мире, но это мироощущение, если он хочет правильным образом чувствовать и размышлять, согласно указаниям, которые я здесь недавно сделал.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 10 февраля 1923г.

В духовном развитии человечества совершился крутой поворот, который я здесь охарактеризовал с различных сторон. Этот поворот в ходе последних столетий изменил не только интеллектуальный, теоретический характер познания, но изменил и все то, что вообще оказывает влияние на нравственность, на жизнь чувств, на всю душевную жизнь, на всю человеческую жизнь вообще. Чтобы это понять, рассмотрим следующее. При этом, естественно, более или менее отчетливо выступит то, что открывается в отдельных симптомах, которые мы видим в характерных формах выражения жизни, если мы хотим распознать ее истинные основы.

Мы часто указывали, чем были в древние времена развития человечества места познания. Это были места мистерий. Эти места мистерий были в какой-то мере в самой их широкой окрестности окружены уважением людей. Говоря о мистериях и существах мистерий, утверждали, что то, что достигается в мистериях – наиважнейшее для человечества на Земле. Считали, что все самое значительное в человеческой жизни излучается мистериями. Говорили себе в какой-то мере: если бы среди людей не было мистерий, то люди на Земле вовсе не смогли бы быть тем, что хотели из них сделать боги!

Взирая на мистерии с чувством высочайшего уважения, самого интимного к ним внимания, на них в то же время смотрели с чувством благодарности, осознавая: они делают на Земле возможным то, что хотят сделать из людей боги. Сравнив это с тем, каким образом смотрят на учебные заведения сегодня, мы нигде не найдем столь неслыханно теплого уважения. Мы даже, согласившись с тем, что заставило нас прибегнуть к одному из учебных заведений, зачастую обнаруживаем радость при освобождении от него. Но в любом случае, даже невзирая на эту крайность, мы все же знаем, что от учебных заведений мы,

собственно, не получаем того, что внутренне человеку необходимо для его, собственно, человечности, /для того,/ что делает его человеком. Наконец, даже при известном теоретическом почитании того, что мы приобретаем из химических лабораторий, биологических институтов, юридических учебных заведений, даже философских школ, мы не испытываем чувство: ты осознал свою человечность благодаря тому, что есть химические лаборатории, биологические учреждения, юридические учебные заведения, даже философские семинарии.

Даже если, возможно, эти учебные заведения и окружены определенным теоретическим настроением, нельзя сказать, что самые теплые чувства уважения людей направлены на эти учебные заведения.

Во всяком случае, это сегодня не столь уж частый случай, чтобы студент, который, например, работает в университетском семинаре, затем так духовно преуспел, что обнаружил: он ощущает всю свою элементарную человечность преображенной в том же смысле, как некогда ученик мистерий, прошедший один из этапов посвящения.

Однако, с другой стороны, человек нуждается в чем-то в том роде, что связывало бы его здесь, в земной жизни, с тем, достойным почитания, божественное излияние которого он ощущает. Но сравнивая эти, так сказать, более культурно-исторические нюансы, с тем, что, собственно, лежит в их основе, мы отправимся, скажем, назад, в те времена, когда в Передней Азии за два, три тысячелетия до Мистерии Голгофы существовали подобные мистериям учебные заведения: именно в этих, подобных мистериям учебных заведениях изучали естествознание тех времен, если его можно так называть. Изучали звездное небо, природу звезд, движения звезд, появление звезд в определенные времена и так далее. Сегодня представляют себе, что это изучение звездного неба в то время было, вероятно, даже чем-то фантастическим. Это не так. Этим занимались с не меньшей, если не с намного большей методической тщательностью, чем сегодня занимаются минералогией, геологией или биологией.

Но что говорили себе, когда изучали существо звездного неба? Говорили себе: если ты знаешь существо звездного неба, то знаешь кое-что о существе и судьбе человека на Земле. Изучение звездного неба завершалось тем, что из констелляций звезд приобретали знание о судьбе человека, всех народов на Земле.

Звездное небо рассматривали не в одном лишь теоретическом аспекте, но говорили себе: если ты знаешь отношение Сатурна к Солнцу или положение Сатурна в Зодиаке в момент, когда человек родился, или когда он совершает важный жизненный поступок, то ты знаешь, как человек послан небесами на Землю, ты знаешь, насколько человек – создание неба, сын его. Наконец, то, что ты

изучаешь о небе, дает тебе путеводную нить в твоей жизни на Земле. Все, что приобреталось как знание существа неба, имело своей целью человека. Все это, собственно, было знанием чего-то совершенно прогретого человеческим. И то, что человек делал на Земле, он ощущал в своей связи с тем, что он мог изучать в небесах. Мы **/не?/** можем, например, исключить, скажем, человеческую художественную деятельность. Когда в древние времена человек возвещал о поэтическом, о музыкальном, он нес это из той инспирации, которая приходила к нему с небес.

Я это часто упоминал: Гомер произносил поэтическую фразу: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» (пер. Н. Гнедича – прим. ред.), – потому, что он осознавал, что говорит не нечто, пришедшее к нему из человеческого произвола, но то, что шепнули ему небеса. И кто на Земле проявлялся в какой-то мере музыкально, тот вторил звучанием земных инструментов тому, что он слышал из небесных пространств в музыке сфер. Как человек действовал на Земле, как он взаимодействовал на Земле с другими людьми, как он основывал на Земле общности, так же он ощущал, что переживает при этом волевые импульсы, которые из далей Универсума излучаются к нему вниз, на Землю; и согласно своим познаниям звездного неба исследовал то, что он, как человек, совершает здесь, на Земле, согласно этим намерениям небес.

Я бы сказал: в человеческие деяния вливалось все то, что было в те древние времена наукой, искусством и религией. Ибо религия, наука и искусство были единством, которое, в конце концов, излучалось в человека, чтобы человек чувствовал себя на Земле тем существом, каким его хотели иметь боги.

Это настроение действовало до тех пор, пока человек в своем познании небес мог позволять действовать духовному в существе **/?/**, в ходе звезд и в явлении звезд, пока он мог духовному, которое в познании звезд в какой-то мере струилось к нему на Землю, способствовать тому, чтобы он мог осуществлять это на Земле.

Сегодня астрология – слово, которое не имеет хорошего звучания. Но если мы примем ее во внимание в древнем смысле, оно звучит несколько лучше. Человек взирал вверх, на звезды, и со звезд раскрывался ему Логос, который опять-таки, через его мысли, его фантазию, его речь действовал здесь, на Земле. Человек, когда он приводил в движение свои речевые инструменты, сам упражнял тогда то, что позволяло тайне небес снова звенеть в звуковом оформлении здесь, на Земле. Логос, который является разумом, правящим в роде человеческом, появлялся как истечение мира звезд. Астрология: то, что происходило здесь на Земле, внизу, являлось отображением праобраза, который познавали через астрологию.

Обозревая сегодня наши познания, мы видим, что эти познания

приобретаются путем наблюдения земного. Сегодняшнее изучение астрономии – я уже отмечал это вчера – это также лишь рефлекс земных знаний вверх, в небесное пространство. Сегодняшний человек приобретает чувственное познание. Он, в действительности, стоит в мире иначе, чем стоял нем раньше. Недавно я охарактеризовал эту другую позицию. Я сказал: то, чем является сегодняшний интеллектуалистический человек с его абстрактными понятиями, а также с тем, что является его свободой, которая возможна только при образовании абстрактно-интеллектуалистических понятий, которые не принуждают человека, которые также дают ему заповеди морали, берущие начало в его индивидуальности, как я это представил в моей «Философии свободы», этот человек с такими интеллектуальными понятиями, с таким сознанием свободы вошел в развитие человечества только в то время, когда прекратилось сознание, происходившее из астрологии, которое позволяло человеку появляться на Земле как существу, исполняющему намерения богов. Этот человек со своим интеллектом и со своим сознанием свободы – это единственное независимое от небес существо. Он действительно становится затворником Земли и затем приобретает себе здесь, на Земле, свои знания. И этим способом, каким он приобретает свои знания, этим родом и способом следует объяснять также интерес, которым он связан с этими знаниями.

В древние времена двойственность в религии и научном познании была бы немислимой. Когда приобретали научное познание, то оно сообщало непосредственное религиозное чувство, оно одно указывало путь к богам, так что если приобретали знания, вовсе не могло быть иначе, чем стать в истинном смысле религиозным человеком.

Сегодня можно приобрести весь обширный объем общепринятых знаний, не становясь вследствие этого религиозным человеком. Я хотел бы знать, кто сегодня стал религиозным человеком благодаря тому, что стал ботаником, зоологом, химиком! Если он хочет становиться религиозным человеком, то наряду с познанием, ищет религиозность. Поэтому мы ищем центры религиозной жизни наряду с познавательными, часто даже появляются убеждения, что познание отвлекает нас от религиозного пути, что мы должны искать другие пути, которые снова приведут нас к религиозности. И, тем не менее, мы должны были здесь снова и снова подчеркивать значительность новых знаний. Мы должны были указывать на то, что эти новые знания современному человеку и дальнейшему развитию человечества совершенно необходимы. Но если человек сегодня входит в мир с его интеллектуализмом, с его сознанием свободы, то он уже здесь, на Земле, развивает то, что древний человек, который, если я

могу так выразиться, имел небесное сознание, развивал только после смерти.

Когда мы изображаем моменты после смерти современного человека, то мы изображаем, как человек сначала оглядывается на свою жизнь, созерцая ее панораму, когда он отделяет от себя свое эфирное тело. Затем мы изображаем, как он в следующее время проходит жизнь в обратном направлении. В древние времена жизнь после смерти должна была изображаться так, что человеку говорили: то, чего ты можешь достичь здесь только путем высшего откровения как интеллектуалистический образ мира, это явится тебе после смерти. То, чего ты должен добиваться на Земле, может присутствовать здесь лишь как идеал, свободным человеком ты станешь после смерти. Так говорили древнему человеку. Истинный человек приходит тогда, когда мы из этого телесного мира вступаем в мир духовный. Так говорили в древние времена. Но то, что в древние времена переживали только после смерти, в ретроспективном обзоре земной жизни, интеллектуализм и сознание свободы, подготовкой к чему была вся земная жизнь, современный человек имеет это уже в своей жизни между рождением и смертью. Он здесь, на Земле, становится интеллектуальным существом, здесь, на Земле, он становится существом с сознанием свободы.

Но для этого он должен приобрести на Земле в чувственном познании и в комбинации своих чувственных познаний нечто такое, что на первых порах будет в стороне от его интересов. Мы можем еще очень долго с помощью телескопа исследовать то, что мы исследуем сегодня в мире звезд: мы не ощущаем себя вследствие этого более человечными, внутренне согретыми и просветленными. Экспедиции астрономов и натуралистов вооружаются телескопами, чтобы подтвердить эйнштейновские идеи. Но от наблюдений, которые производятся, никто не ожидает чего-то такого, что относилось бы столь же близко к элементарной человеческой природе, как то, чего ожидали от астрономов древней вавилонской или ассирийской культуры. Этим сильно отличается то, что нам дают современные познания: отсутствие интереса к отдаленному. Это может быть чрезвычайно интересным, когда сегодня делается то или иное биологическое открытие, но никогда не говорится: посредством того, что делается то или иное биологическое открытие, человек становится ближе к божественно-духовному существу, которое он несет в своей душе. К этому божественно-духовному существу, которое он несет в своей душе, человек хочет приблизиться посредством особого религиозного интереса.

Сегодня, все же, не создают себе правильного понятия о том способе, каким древнейшее человечество достигало познания в более поздние времена. Подумайте только, сколь знаменательным

переживанием судьбы это было, когда такой человек, как Архимед, открыл архимедов принцип в ванне, что вырвалось у него в знаковом восклицании: эврика! (я это нашел!). Это было именно такое отдельное познание чего-то, что тогда ощущали так, будто заглянули через окно в тайны Универсума.

Этой сердечности по отношению к познанию, конечно, уже не было, когда, например, были открыты рентгеновские лучи. Можно сказать: сегодняшнее отношение к тому, что поставляет познание, является скорее жестом разевания рта, чем внутренним душевным выражением радости. Это создает человеческое различие! И это человеческое различие в развитии человечества должно быть принято во внимание.

Из этого происходит нечто в высшей степени примечательное. Итак, современные люди уже столетиями получали в человеческой жизни то, что ранее они обретали только после смерти: интеллектуальное постижение мира и сознание свободы. Но они еще толком этого вовсе не заметили. Примечательно то, что современное человечество даже не заметило того, что оно уже однажды получило от неба в земную жизнь. Это вовсе не взволновало мир чувств, элементарное в человеческом мире. Я бы сказал, для человечества это имеет скорее горький привкус. Человечество не рассматривает чистую мысль так, как я пытался ее рассматривать в моей «Философии свободы», где, собственно, скорее вместо того, чтобы ее только разбирать, хотелось бы уже петь ей гимны. И первоначально сознание свободы побуждало людей ко всяческой суматохе, но не к познанию того, что нечто с неба снизошло на Землю. Даже чисто по-человечески не ощущалась основная сила современного развития человечества. Откуда она приходит?

Отвечая себе на этот вопрос, мы в то же время отвечаем себе на один из важнейших вопросов человеческого бытия. Человек приобрел свое познание в древние времена, когда он, взирая вверх, к небу, искал там Логос – то, что боги возвещали человеку в движении звезд и в их существовании, и человеческий разум был отражением этого божественного Логоса. Все, что человек делал здесь на Земле, было освещено тем, чьим содержанием был Логос, и содержание это, опять-таки – вносилось со звезд. Человеческая жизнь была бы ничем, если бы ей нельзя было придать смысл из знаний о звездном мире.

Так что сегодня в аналогичном смысле все то, что мы усваиваем как знания, есть, собственно – Ничто. Мы усваиваем это Ничто, позволяя умирять себя ботаникой, зоологией, биологией, физиологией и т.д., когда мы, благодаря крайнему честолюбию и примирению с необходимостью, влачим нашу жизнь на Земле. Конечно, это звучит радикально, но увы – это близко к действительности. Ибо для тех, кто сегодня вкладывает в вещи

великие идеалы, для них все же существует нечто определенно иллюзорное, которым они переосмысливают окружающие вещи в идеалы. По крайней мере, чрезвычайно редки люди, способные связывать чувство со словом: я читаю химическую формулу как молитву. Да, следовало бы уже в такой форме высказать важный культурно-исторический, хотя и негативный факт!

Новалис с его глубоким, но в то же время – юношески восторженным познанием, уже причастен к тому, чтобы ощущать нечто в этом роде: я молюсь в решении дифференциального уравнения. Наши обычные математики уже вовсе не очень чувствуют себя молящимися, когда они вскрывают тайну дифференциального уравнения. То, само собой разумеющееся, что человек своим познанием предопределен к тому, что он в то же время ощущает свою преданность божественному, это, само собой разумеющееся, вовсе не считается таковым сегодняшним человечеством. Гораздо более само собой разумеется то, что именно те, которые поднимаются к высшим достижениям, сдавая экзамены, радуются, что им уже не надо будет касаться этих предметов. Современные люди, сдающие экзамены, не испытывают ничего, подобного радости прохождения этапов мистерий. По крайней мере, сегодня чрезвычайно редко кто, исполненный древней мистериальной серьезности, говорит о том внутреннем божественном деянии, которое тот или иной профессор исполнил тем, что дал ему тему диссертации и привел его в состояние пройти теперь через испытание водой во время разработки этой темы! Однако, это было бы нормальным, естественным!

Взглянув на это, надо сказать: да, здесь внизу Земля со многими своими вещами (см. рис., белое и зеленое). Эти многие вещи видели древние познающие. Но они лишь тогда видели их постигаемыми в истинном смысле, когда, в то время, как они взирали наверх, к звездам, лучи от звезд приносили им вниз то, что лишь одно освещало их правильным образом (красное).

Отражения мира звезд в земной жизни искал этот древний искатель познания (нижнее красное), иначе все, отмеченное мной здесь внизу, потеряло бы для него всякую цену. Сегодня же мы не заботимся о том, что там, наверху, но изучаем то, что здесь, внизу. Мы изучаем это в бесчисленных подробностях. И в результате так ориентированного познания у нас в голове накапливается много подробностей. Но оценка этих подробностей выявляет их определенное безразличие для жизни, для высшего элементарно-человеческого. Особенно это бросается в глаза в области духа.

Уже шваб Фишер насмеялся над тем, сколь безразличным для

общечеловеческого сознания становится то, что сегодня надо превзойти в познании, говоря о том, что одной из «самых значительных» научных статей в новейшей истории литературы, например, могла бы быть статья о связи обмороженных мест госпожи Христианы фон Гёте с символически-аллегорическими фигурами во второй части «Фауста»! Почему бы не написать диссертацию также и об этой связи, как и о прочих подобных вещах? Методика, которая применяется, человеческий интерес, который здесь имеет место – того же качества, как например, научное исследование – такое происходит – о дефисах в поэзии Гомера! Да, мы действительно узнаем, что древнее познание людей приобретало цену только после того, как они могли его осветить небесным познанием.

Мы лишены небесного познания. Мы не видим медь, взирая на Венеру, мы не видим свинец, взирая на Сатурн, мы не видим пра-человека, взирая на созвездие Водолея, и мы не наблюдаем то, что в звериной природе льва переходит в определенные внутренние импульсы человеческой природы, когда мы взираем на созвездие Льва, и т.п. Мы больше не приносим с небес вниз ничего от того, что должно объяснить нам земное, но мы обращаем взгляд лишь на далекие, рассеянные частности Земли.

Мы снова нуждаемся в чем-то, что вносит нам значимость в частное, что ведет нас, чтобы вновь видеть то, что видел человек, если он видел какой-либо земной предмет освещенным небесами. Мы имеем знание о многом, но мы нуждаемся в едином знании, которое может излучаться во все отдельные области знаний и придавать им значимость. Этим хочет быть Антропософия.

Как когда-то в астрологии всматривались в небеса, чтобы объяснить Землю, так Антропософия хочет в человеке видеть то, что человек должен сказать от самого себя, чтобы все, что мы знаем о минералах, животных, растениях, о человеке, обо всем том, что иначе может познаваться только в частностях, чтобы это освещалось Антропософией.

И как человек взирал когда-то к небесам, чтобы понять свою земную жизнь, так интеллектуальный и становящийся свободным человек должен учиться познавать себя, чтобы быть в состоянии снова видеть после момента смерти, когда он выходит в духовный мир, и когда боги будут смотреть вниз на то, что он им приносит, что излучается из него. Так как он должен уже на Земле стать человеком, тогда как раньше он становился человеком только после смерти.

Как он стал человеком – это указывается той силой, которую он приобрел из чистого человеческого сознания. И это чистое человеческое сознание должно быть дано ему благодаря тому, что от Антропософии излучается на все остальное, что человек знает на Земле, но также и на то, что человек может на Земле

совершать.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», т.е. вначале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос был Бог. Логос был низведен свыше откровением Богов в небесах.

Но слово стало плотью, и не только жило среди нас, но живет среди нас постоянно. Логос стал плотью. То, что прежде искали в небесах, теперь надо искать у человека. Как когда-то Логос по праву искали у Бога-Отца, так в наше время надо искать Логос у Бога-Сына.

Но этого Бога-Сына в его элементарном значении человек находит, когда он осуществляет слова Павла: «Не я, но Христос во мне», когда он познает себя. Вся Антропософия нацелена на глубокое погружение в человека. Когда в древние времена глубоко погружались в человека, что они находили? Люциферические власти на дне человеческой природы. Но стоит только современному человеку погрузиться достаточно глубоко в себя – он находит Христа. Это – другая сторона поворота от древних времен в новые. Так как интеллектуализм и сознание свободы спустились с неба на Землю, и Христос связался с человечеством на Земле, человек, если он достаточно глубоко низойдет в глубины самого себя, находит в глубинах своего собственного существа Христа; в то время как древние люди именно путем глубокого нисхождения находили люциферическую духовность.

Это было также тем, что особенно должно было прояснять древнее ученичество в мистериях: проникая вниз, в существо человека, каким оно является на Земле, вы находите, в конце концов, на дне вашей собственной души то, чего вы должны трепетно бояться: люциферические власти. Оттуда взираете вверх на момент смерти; только тогда вы будете истинным человеком, когда вы прошли через врата смерти. Тогда вы избавляетесь от того, что вы находите здесь на Земле на дне вашей души: от люциферических властей.

Это было переживанием смерти древних мистерий. Вот почему эти древние ученики мистерий должны были в мистериях взирать на познание, на картину момента смерти.

Современный человек должен принять в себя то, что стало для него интеллектуализмом и сознанием свободы. Достоинно принимая их в себя, так что все остальное познание Земли и все остальные дела человек пропитывает тем, что просачивается к нему из чистого сознания человечности, как этого хочет Антропософия, он находит на дне своей души силы Христа. Тогда он говорит себе: когда-то я взирал вверх на конstellляции звезд, чтобы исследовать человеческую судьбу на Земле; теперь я смотрю на человека и учусь благодаря этому познавать, как человек, после того, как уже на Земле, овладев человечностью,

проникся субстанцией Христа и вспыхивает для Универсума, как он сияет небесам как звезда человечности, пройдя через врата смерти.

Это – спиритуальный гуманизм, который может занять место древней астрологии. Это то, что наставляет человека, так взирать на то, что человек может обнаружить в себе как Софию (Антропософия), как прежде обнаруживались звезды, как Логия. Но это также и сознание, которым нужно проникаться. И тогда мы здесь знакомимся с мировым значением существа человека. Здесь мы учимся познавать то мировое значение существа человека, которое позволяет нам изучать сперва физическое тело, затем изучать тело формирующих сил или эфирное тело. Но я хочу упомянуть только пример: если мы в истинном смысле изучаем человеческое физическое тело, так, как его освещают из Антропософии, тогда об этом физическом теле человека мы узнаем, как оно может следовать своим собственным силам. Если оно следует своим собственным силам, то оно – постоянно в напряжении, на грани заболевания. Да, то, что существует здесь внизу в человеке как физическое тело, оно, собственно, пребывает в постоянной склонности к заболеванию. И если мы посмотрим вверх, от физического тела на эфирное тело, то мы имеем в эфирном теле совокупность тех сил человека, которые живут постоянно в усилии сделать больного человека снова здоровым. Маятниковое колебание между физическим телом и эфирным телом направлено на то, чтобы постоянно выдерживать центральное промежуточное положение между патологическим и терапевтическим. Эфирное тело – это космический терапевт, а физическое тело – это космический возбудитель болезни.

С таким же успехом мы могли бы это утверждать для других областей человеческого познания. И в то время как мы, скажем, говорим себе: если мы оказались перед заболеванием, что мы должны делать? Мы должны вести это к тому, чтобы определенными конstellациями лекарств каким-либо образом призвать эфирное тело к лечению. В конце концов, это делает, в сущности, вся медицина: каким-либо образом привлекает к лечению эфирное тело человека, так как оно – целитель. Если мы обращаемся правильным образом к эфирному телу человека, которого можно сделать здоровым, мы ищем то, что может подойти ему в исцеляющих силах его эфирного тела согласно его общей человеческой судьбе, тогда мы – на пути к его излечению.

Однако, завтра я буду далее говорить об этом. Завтра я буду говорить об этой последней намеченной главе в связи с обсужденным сегодня.

НЕВИДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК В НАС: ЛЕЖАЩЕЕ В ОСНОВЕ ТЕРАПИИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 11 февраля 1923г.

В стоящем перед нами человеке отчетливо различимы два существа. В различных рассмотрении последнего времени я изложил, как физическая организация человека духовно подготавливается в предземной жизни, как она затем посылается в какой-то мере как духовная организация, прежде чем сам человек войдет своим Я в земное бытие. Эта духовная организация продолжает действовать также во время всей телесной земной жизни, только в телесной земной жизни она не выражается в чем-то внешне видимом. Внешне видимое при рождении отторгается, так как это покровы, в которые укутан человеческий зародыш в течение эмбрионального развития: мешки хориона и амниона, аллантоис, все то, что отторгается как физическая организация, когда человек из лона матери переходит в свободное телесное бытие. Но эта предземная организация остается действующей в человеке в течение всей его жизни. Только ее природа – несколько иная, чем телесно-душевно-духовная деятельность человека во время его телесной земной жизни. И я сегодня хотел бы об этом кое-что сказать.

В нас в какой-то мере существует невидимый человек, который содержится в наших силах роста, а также в тех скрытых силах, которыми осуществляется питание, который действует во всем том, на что сознательная деятельность человека не распространяется. Но и в эту бессознательную деятельность, вплоть до деятельности роста, вплоть до ежедневного восстановления сил питанием, вступает его деятельность. И эта деятельность является именно последствием предземного бытия, которое в земном бытии становится силовым телом, действующим в нас, не приходя к сознательному проявлению. Этого невидимого человека, которого все мы несем в себе, который находится в силах нашего роста, нашего пищеварения, который находится также и в силах воспроизведения, этого невидимого человека с его свойствами я хотел бы вам изобразить.

Мы можем сделать это схематично, говоря себе: в этом невидимом человеке также содержатся Я, астральная организация, эфирная организация, т.е. тело формирующих сил, и физическая организация. Конечно, физическая организация находится у рожденного человека внутри другой телесной организации, но в ходе сегодняшних рассмотрений вы сможете понять вмешательство невидимого человека в физическую организацию.

Схематически я изображу это так:

В этом невидимом человеке мы имеем прежде всего организацию Я (желтое), затем – астральную организацию (красное), эфирную организацию (голубое), и затем – физическую организацию (белое). Эта физическая организация, как она рассматривается в невидимом человеке, вмешивается только в процессы пищеварения и роста, действуя в человеческой организации во всем том, что осуществляется нижним человеком, как мы его часто изображали – человеком конечностей и обмена веществ. Все потоки, все действия сил в этом невидимом человеке сами по себе идут таким образом, что они, исходя из организации Я, идут затем в астральную, эфирную и физическую организацию, и затем распространяются в физической организации (см. стрелку на рис.). В человеческом зародыше то, что называется здесь физической организацией, находится в кожных покровах, в оболочках эмбриона, в хорионе, аллантоисе, в мешке амниона и так далее. У рожденного человека все то, что называется здесь физической организацией, содержится в тех процессах, которые являются процессами питания и восстановления во всем человеке. Так что в направлении изнутри наружу эта физическая организация не отделена (см. рис. справа) от другой физической организации человека, но объединена с нею.

Мы имеем затем, в какой-то степени, рядом с этим невидимым человеком – видимого человека, стоящего перед нами, если человек уже рожден. Я хочу изобразить этого видимого человека рядом с ним, так как во время земной жизни имеет место взаимное пронизывание физического и сверхфизического человека. Итак, во время земной жизни постоянно существует этот поток (стрелка): от Я – к астральному телу, к эфирному телу, к физическому телу. Этот поток протекает у рожденного человека в организации конечностей и обмена веществ, во всем том, чем являются силы движения, и чем являются внутренние движущие силы, которые несут усвоенные питательные вещества по всему организму, вплоть до мозга.

И напротив, имеет место также непосредственное вмешательство, действие сил, которое входит непосредственно – во всего человека (см. цветной рисунок 1). Таким образом, мы имеем вмешательство деятельности, определенного потока, который от Я входит непосредственно в нервно-чувственную организацию, который не проходит через астральное и эфирное тела, но непосредственно вторгается в физическое тело человека. Естественно, это вмешательство наиболее сильно в голове, где сконцентрировано большинство органов чувств. Но я должен был бы изобразить этот поток, собственно, так, что он

распространяется, например, через кожную чувствительность по всему человеку, как я должен был бы изобразить поток принятия пищи через рот. Но схематически рисунок является совершенно верным. Мы имеем в человеческой голове такую организацию, которая струится снизу вверх, исходя от Я, проходит через астральное, эфирное и физическое и затем струится наверх к Я. Мы имеем другой поток, который непосредственно входит в физическое и струится вниз.

Исследуя человеческий организм, мы видим, что этот прямой поток исходит непосредственно от Я к физическому, затем разветвляется в теле и протекает вдоль нервных путей. Таким образом, распространение нервов человека в организме и внешний видимый нервный ствол – являются внешними видимыми указателями распространения потока, идущего непосредственно от Я в весь организм и входящего прямо из Я – в физическую организацию. Так что вдоль нервных путей протекает, прежде всего, Я-организация. Для организма это разрушительно, ибо дух здесь входит прямо в физическую материю. И везде, где дух непосредственно входит в физическую материю, происходит процесс разрушения. Таким образом, вдоль нервных путей, исходящих от органов чувств, в организме человека распространяется тонкий процесс смерти.

Тот же поток, который в невидимом человеке сначала идет к астральному, эфирному и физическому телам мы можем в человеке обнаружить, проследив путь крови вплоть до органов чувств. Так что, исследуя стоящего перед нами человека, мы можем сказать: в его крови струится Я. Но оно струится, сначала одушевив свои силы работой астральной, эфирной и физической организаций. Захватив с собой астральную и эфирную организации, Я в крови струится снизу вверх сквозь физическую организацию. Таким образом, весь невидимый человек в целом струится в крови, как процесс строящий, процесс роста, т.е. процесс, постоянно заново создающий человека путем преобразования питательных веществ. И этот поток, протекающий в человеке снизу вверх, – скажем несколько схематично, – изливается затем в органы чувств, т.е. также и в кожу, и идет навстречу тому потоку, который вторгается в физическую организацию непосредственно от Я. Конечно, в действительности ситуация намного сложнее. В действительности мы должны принять во внимание также процесс дыхания.

Процесс дыхания таков, что Я струится вплоть до астрального тела, а затем, с воздухом, – непосредственно в легкие. Так что в основе процесса дыхания также лежит нечто от сверхчувственного человека, но это происходит не так, как в нервно-чувственных процессах, где Я непосредственно охватывает физическую организацию, но Я пропитывается еще астральными

силами, захватывая кислород, и только лишь затем, теперь уже не как чистая Я-организация, но как Я-астральная организация внедряется в организм с помощью дыхательного процесса. Так что можно сказать, что процесс дыхания – это ослабленный разрушающий процесс, ослабленный процесс смерти. Собственно процесс смерти – нервно-чувственный процесс, ослабленный же процесс разрушения – дыхательный процесс.

Ему противостоит процесс, в котором Я укрепляется тем, что его поток идет вплоть до эфирного тела, и лишь тогда воспринимается (см. цв. рис 1, четвертая стрелка). Этот процесс протекает уже в большей степени в сверхчувственном, так что обычная физиология не в состоянии его проследить, хотя он еще воспринимается внешне в биении пульса. Это восстановительный процесс, который хотя и не столь сильный, как процесс обмена веществ и роста, но все-таки это – ослабленный восстановительный процесс. И затем он встречается с процессом дыхания.

Процесс дыхания в какой-то мере – процесс разрушения. Принимая больше кислорода, мы укорачиваем себе жизнь. И наша жизнь удлиняется в той степени, в которой над процессом приема кислорода в крови, происходящем при дыхании, преобладает процесс образования углекислоты.

Так в нашем организме все взаимодействует, понять происходящее в нем можно, лишь призвав на помощь этому пониманию человека сверхчувственного, так как то, что в нем внешне видимо – отбрасывается в рожденном человеке вместе с эмбриональными оболочками, и который еще действует только через невидимые силы, которые мы все же можем точно очертить, если исходим из антропософского познания человека.

Ес
челов
крови
охват
идуш
прот
проц
центр
проц
двух
Ес
и
про
цесс

Прямое вмешательство духовного в обход Я вызывает в человеке все те болезнетворные явления, которые являются чужеродными; чужеродные образования, которые могут и не выглядеть как видимые физические накопления, но могут существовать в жидком и даже в воздушном человеке, будучи, все же, чужеродными образованиями. Они формируются, но им навстречу снизу не приходит оздоравливающий процесс, протекающий путями крови, так, что эти чужеродные образования, имеющие прежде всего тенденцию строить в организме опухолевидные скопления и затем внутренне их дробить, эти чужеродные образования не способны растворяться. Если бы навстречу им правильным образом притекал восстановительный процесс крови, чужеродные образования могли бы растворяться и затем снова переходить в процессы общей телесной жизни. Но если возникает застой из-за того, что распространяется идущий сверху вниз слишком сильный процесс разложения, тогда этот процесс охватывает тот или иной орган. В результате образуется чужеродное тело, сначала экссудативного, опухолевидного характера, а затем возникает тенденция процесса к дроблению, как протекают внешние процессы земной природы. Следует уяснить, что здесь имеет место явно недостаточное принятие человеком сверхчувственного человека, которого я изобразил рядом с человеком физическим.

Собственно об исцелении благодаря лишь одному искусству целителя говорить нельзя, т.к. дело в том, что в тот момент, когда развертывается слишком активная деятельность нервно-чувственной организации в центростремительном направлении, из-за которой в человека вносится слишком многое от процессов внешнего окружения, так что кое-где возникают эти опухолевидные, далее дробящиеся образования, в этот же момент другая система, действующая на путях крови, начинает бунтовать, стремится к противодействию, стремится принести исцеление. Она стремится пронизать организм благотворными астральными и эфирными силами, действуя снизу вверх, и она желает помешать Я или астральному телу вместе с Я действовать лишь ради самих себя. Так что целитель должен идти навстречу этому

революционному принципу в человеческом организме. Целение заключается именно в том, чтобы поддержать внешними средствами то, что уже имеется в организме как исконные силы исцеления.

Так что можно сказать, что возникновение опухолевидного образования есть симптом того, что деятельность Я со стороны эфирного тела вмешивается неправильным образом. Она проявляется, но иногда не может достигнуть опухоли. Необходимо поддержать эфирное тело, чтобы оно стало действовать эффективнее. Ибо, если эфирное тело действует правильным образом, т.е. действует после пронизания его Я и астральным телом, если оно может приблизиться к приходящему сверху, которое, однако - не восприняло эфирную деятельность, но восприняло, в лучшем случае, лишь деятельность Я и астрального, которые вмешиваются в организм, отравляя его, то навстречу этой деятельности Я и астрального можно послать эфирную деятельность, усиливая исцеляющий процесс, который сам по себе здесь осуществляется в силу человеческой организации. Только следует знать, посредством чего в подобном случае эфирная организация, пронизанная правильным образом астральной и Я-организацией, должна входить в тело. Т.е. необходимо знать, какое средство в подобном случае сделает эфирную организацию сильной, чтобы она могла свою восстанавливающую силу противопоставить слишком активной силе распада. Что, как патология, лежит в основе терапии - невозможно полностью понять, не прибегая к помощи невидимого человека.

Но может быть и так, что Я и астральное родившегося человека, т.е. его душевно-духовная организация, неправильно соединена с физической организацией, так что душевно-духовная организация недостаточно внедрена в физическую организацию. Тогда во всем человеке будет постоянно преобладать то, что действует снизу вверх как сила роста, но при этом не получает достаточного веса путем включения физической организации. Человек может родиться таким, что его физическое тело недостаточно охвачено невидимым человеком, так что указанный здесь невидимый человек определенным образом отказывается надлежащим образом внедряться в процесс крови. Тогда дух человека может не достигать процесса крови, вследствие чего уже с детских лет такой человек - бледен, худ или быстро вытягивается в высоту из-за преобладания сил роста. Далее обнаруживается, что его душевно-духовное не может правильно войти в организм. И если тело отказывается принимать духовно-душевное, мы должны действовать так, чтобы ослабить слишком сильную деятельность в эфирном теле. Итак, в случае с такими бледными, тощими и высокими детьми мы должны действовать так, чтобы гипертрофированные, чрезмерные силы в эфирном

теле вернуть на надлежащий уровень, чтобы человек обрел в своем теле тяжесть, чтобы обрела соответствующую тяжесть кровь, например – путем принятия необходимого количества железа, чтобы эфирное тело меньше действовало вверх, чтобы в своем воздействии вверх оно было ослабленным.

Такое состояние проявляется также в том, что у таких людей сильнее выступает нечто такое, что я назвал бы, в противоположность дневным процессам, ночными процессами. Ибо можно сказать, что по ночам физически-эфирная организация любого нормального человека отказывается принимать духовно-душевное. Эта ночная организация человека, лежащего в постели (не невидимого человека, который находится вовне), эта ночная организация особенно сильна у тех, кто несет в себе некий род врожденного туберкулеза, как я вам его описал. В этом случае необходимо поддержать дневную организацию, т. е. придать ей определенный вес, способствуя тем самым процессам распада. Так как, когда мы стимулируем процессы распада, и внутри возникает отвердение и, в конце концов, распад (естественно, при лечении это должно осуществляться в весьма незначительной мере), тогда бьющая ключом сила эфирного тела оттесняется назад; тем самым мы сдерживаем наступление туберкулеза.

Так благодаря познанию целостного человека становится прозрачным и это примечательное взаимодействие здоровья и болезни, которое всегда имеет место: оно гармонизируется тем, что разыгрывается между пульсом и дыханием. И если мы исследуем, каким внешним средством можно стимулировать то или иное, то мы обретаем возможность поддержать этот процесс естественного исцеления.

Нельзя вносить в человеческий организм совершенно чужеродный процесс. В организме человека всегда происходит так, что когда в организм вносят какой-то чужеродный процесс, то во внутреннем он тотчас же превращается в противоположный. Если вы что-то едите, то продукты сами по себе обладают определенными химическими силами. Усваивая их, организм тотчас же преобразует их в противоположные. И это должно быть возможным. Если же продукт после его принятия слишком долго сохраняет свои внешние свойства, он сближается именно с процессом распада, и это вызовет в человеке внешние, разрушающие, приносящие смерть процессы распада. То, что вошло в человека с пищевыми продуктами, должно быть тотчас принято внутренними процессами и преобразовано в свою противоположность.

Эти процессы, которые я показал вам сейчас на примере целостного человека, вы можете проследить в подробностях. Например, вы укололись каким-либо инородным телом, скажем, занозой (см. цв. рис. 3, желтое). Ваше тело может отреагировать

на эту занозу двояко. Предположим, вы не смогли удалить занозу, и она осталась внутри. Тогда может происходить двоякое. Вокруг инородного тела действует восстанавливающая сила в текущей крови (красное). Она собирается вокруг инородного тела, будучи при этом смещенной со своего места. Это приводит к тому, что тотчас же начинает преобладать нервная деятельность. Вокруг инородного тела обособляется экссудативное образование (голубое). Инородное тело инкапсулируется. Из-за того, что это происходит, в этом месте тела образуется следующее: обычно там, где нет никакого инородного тела, эфирное тело определенным образом захватывает физическое тело, в случае же с инородным телом – эфирное тело не может охватить инородное, но здесь внутри возникает своего рода пузырек, заполненный исключительно эфирным (красные штрихи). В нашем теле появляется частица тела, содержащая инородное тело, в которой часть эфирного тела не организована физическим. Все сводится к тому, чтобы сделать внутри нее астральное тело настолько сильным, чтобы оно могло действовать на эту частицу эфирного тела без помощи физического тела. И с помощью этого инкапсулирования наше тело обращается к разлагающим силам, чтобы обособить эти разлагающие силы в данной частице тела и ввести туда исцеляющее эфирное тело, которое при правильном лечении должно быть укреплено астральным и Я.

Так что мы должны определенно сказать, что в подобных случаях то, что находится в человеке над физическим, должно стать настолько сильным, чтобы действовать в этой частице человеческой организации без физического. Это происходит всегда, когда в смысле так называемого исцеления в человеке инкапсулируется какое-либо инородное тело, например – попавшая в тело заноза. Тогда в этом месте человек со всей своей организацией как бы сдвигается вверх по отношению к этой части своего тела. Естественно так же, исключительно из организации, образуется инородное. Оно должно рассматриваться аналогичным образом.

В случае с занозой может разыгрываться совсем другой процесс. Например, после того как вонзилась заноза (см. цв. рис. 4, желтый), нервная деятельность вокруг нее начинает усиливаться и преобладать над деятельностью крови. Тогда нервная деятельность, внутри которой действует Я, или же Я, усиленное астральным телом, эта нервно-чувственная деятельность, проходящая через все тело, возбуждает деятельность крови, не позволяет экссудату свернуться, но стимулирует то, что отделяется, что ведет к образованию гноя (белое). Так как нервы толкают наружу (стрелка), то гной, благодаря этому толчку, идущему по нервным путям в своей разлагающей деятельности, благодаря этому толчку – также

изгоняется вовне тела к периферии, заноза выходит вместе с гноем, и впоследствии все зарубцовывается.

На примере процессов инкапсулирования, происходящих в тех случаях, когда заноза находится очень глубоко внутри организма, можно непосредственно наблюдать, когда выталкивающей силы системы распада, нервно-чувственной системы, недостаточно, чтобы вывести занозу наружу, тогда восстанавливающее на путях крови становится сильнее и ведет к инкапсулированию.

Когда заноза расположена ближе к поверхности, то сила нервного выталкивания, сила распада возрастает, она стимулирует то, что стремится стать экссудатом, – используются также всегда существующие пути распада, ведущие вовне, и тогда происходит нагноение целого. Так что мы можем сказать: изначально, в известной мере – в момент возникновения, *in statu nascendi*, мы всегда несем в себе скрытую тенденцию нашего организма уплотняться центростремительно, вовнутрь, и опять-таки – растворяться по направлению наружу, центробежно. Но действующая вовнутрь сила опухолеобразования и действующая наружу, приводящая к нагноению, сила воспаления – в нормальных процессах человеческого тела пребывают в равновесии. Мы всегда воспаляемся ровно настолько, чтобы преодолеть ведущую к распаду опухолеобразующую силу. И только в тех случаях, когда одно становится сильнее другого, образуются – либо настоящая опухоль, либо настоящее воспаление.

Но вы не должны верить тому, что в действительности все происходит так просто, как это представляется в схематическом описании. В действительности процессы полностью захватывают друг друга. Вы можете наблюдать, что при усилении в человеке воспалительных сил выступают лихорадочные явления. В сущности, это – слишком сильные, преобладающие восстановительные процессы, заключенные в крови. Тем, что при повышенной температуре человек часто развивает как свою собственную силу, можно было бы, во всяком случае, обеспечить еще изрядную часть второго человека, если уметь правильным образом отводить эти силы.

С другой стороны, там, где сильно действуют силы распада, возникают простудные явления, которые, однако, констатируются не так легко, как лихорадочные явления. Столь же часто выступает смена одних явлений другими, так что мы в действительности всегда имеем дело с тем, что в действительности переплетено друг с другом, и если мы хотим правильно прозревать вещи, мы должны их четко различать.

Когда мы встречаемся в природе с ядами, например, с ядом белладонны, тогда возникает вопрос, чем же являются яды по сравнению с обычными веществами, которые мы находим в нашем

окружении и которые не являются ядами, так что мы можем их есть?

Когда мы съедаем пищу, в наш организм попадает то, что вовне в природе образовалось подобным же образом, как наш невидимый человек. Мы принимаем в себя то, что исходит от определенной духовной деятельности (см. цв. рис. 5, желтое), затем переходит в астральную деятельность (красное), далее - в эфирную деятельность (синее) и затем входит в физическую (белое). Такая деятельность, которая в природе идет сверху вниз, которая определенно действует из окружения в направлении к Земле, родственна нашей внутренней деятельности Я, являющейся частью духовной. Когда она, схематически обозначенная здесь желтым, стекает вниз, преобразуясь, однако, по пути астральным, далее преобразуется по пути эфирным, и, наконец, входит в физическое, тогда растение, как правило, принимает в себя подобную деятельность. Растение растет навстречу этой деятельности, снизу вверх, и принимает эту эфирную деятельность, которая, однако, уже несет в себе истинную астральную деятельность и деятельность Я, т.е. душевную и духовную деятельность.

Но может происходить то, что мы имеем в случае с ядом. Ядовитые вещества обладают той особенностью, что они обращаются не к эфирному, как обычные зеленые вещества растений, а обращаются прямо к астральному, так что астральное, которое я обозначил красным, входит в это вещество (см. цв. рис. 5, нижнее красное в белом). В случае с белладонной дело в том, что ее плод - чрезвычайно жаден, и в силу своей жадности он не удовлетворяется принятием эфирного, но воспринимает в себя астральное прежде, чем это астральное приняло в себя жизненные силы через эфирное при своем нисхождении вниз. Я бы сказал, что, вместо того, чтобы нисходить в эфирное из мирового окружения, астральное также постоянно капает вниз, на Землю. И такие капли астральных сущностей, которые не прошли правильным образом эфирную атмосферу Земли, мы и находим, например, в яде красавки (белладонны). Также и в ядах дурмана, в гиосциамине (яде белены) и им подобных мы находим упавшие в растение капли космически-астрального.

Но поэтому то, что живет в этих растительных веществах, например то, что живет в белладонне, в красавке родственно той деятельности, которая прямо из Я или астрального тела входит в человеческие нервы и в круговорот кислорода в человеке. Таким образом, принимая в себя яд из красавки, мы существенно усиливаем в нас процессы распада, те процессы, которые иначе переходят прямо из Я в физическое тело. Человеческое Я не настолько сильно, чтобы быть в состоянии перенести такое усиление. Когда действующее во встречном направлении снизу

вверх воздействие, проходящее по кровеносным путям, становится слишком велико, тогда этому можно противопоставить такой разрушающий процесс, и тогда малые дозировки атропина, яда красавки, могут стать средством, противодействующим слишком сильному процессу роста. Но в тот момент, когда яда попадает слишком много, уже невозможно говорить о равновесии. Тогда, после начального оттеснения процессов роста, человек полностью опьяняется той духовной деятельностью, которую он еще не способен переносить в своем Я, которую сможет переносить, возможно, лишь в будущих состояниях, в состояниях Венеры и Вулкана. Именно поэтому возникают такие своеобразные явления отравления. Сначала подтачивается начало действующей в крови деятельности. Затем выступают желудочные проявления, которые в случае принятия внутрь яда красавки образуют начало. Далее интенсивно сдерживаются силы в их нормальном действии снизу вверх, и наступает полная потеря сознания и разрушение человека, вследствие процессов распада.

Так мы всегда можем проследить, если мы знаем, что за духовное содержится в какой-либо субстанции, которую мы принимаем (лучше всего это изучать на растении), как после приема ее в организм человека действует эта субстанция. Это должно быть объединено с истинным познанием внешней природы. Мы должны знать, что живет в отдельном растении, тогда мы также будем знать, как, например, действуют на человека отдельные растения, назначенные в его диету, и мы этим действительно чего-то добьемся только тогда, если к этому добавим еще такие социальные условия, при которых дело может идти правильным образом. Сегодня чаще всего происходит то, что если мы даже что-то знаем, то это все равно невозможно осуществить, потому что наши социальные условия для познания природы совершенно не подходят. Познание природы осуществляется ныне на основании внешних наблюдений, абстрактным образом. В связи с этим невозможно постичь истинное положение человека во всем универсуме, и обычно дело не доходит до того, чтобы можно было сказать: итак, здесь находится человек, для которого необходимо, чтобы ему давали то или иное растительное вещество, в том или ином ритме. Для того же, чтобы это происходило действительно полноценным образом, необходимо, чтобы наша научная медицина приняла другой характер. Необходимо соединить внешнее устройство нашей социальной жизни с тем, что мы можем знать об отношениях человека к окружающей природе.

Конечно, в частности можно добиться многого, можно отварить корень для человека, о котором известно, что у него процессы распада, исходящие из головы, слишком сильны. Отвариваются определенные корни, о которых известно, что в них

содержатся вещества, которые благодаря тому, что мы имеем дело именно с корнем, правильным образом стягивают вниз духовное, душевное, эфирное вплоть до физического образования корня. Тем самым из веществ корневого образования в организм человека поступает то, что, когда оно начинает действовать в организме вплоть до самой внешней периферии кровеносных путей, вплоть до головы - вызывает противодействие слишком сильному процессу распада нервной системы. Но при этом необходимо иметь четкие представления об изменениях, которые претерпевает то, что находится в растительном корне после его принятия, к примеру, перорально, и после дальнейшей его переработки, чтобы дойти вплоть до внешней периферии организации головы, а также до кожной организации. В другом случае мы должны знать, например, какие вещества мы можем получить из цветков растений, у которых отношение к эфирному уже не столь очевидно, и которые уже сильно восприняли в себя астральное, а в определенном отношении, хотя и слегка, уже начинают приближаться к ядовитому, мы должны знать, как мы должны эти вещества применить для ванн, и тем самым, введя их в организм совсем другим путем, тем самым можем возбудить слишком слабую организацию восстановления, находящуюся в кровеносных путях, для того, чтобы совсем с другой стороны противодействовать тому, что как деятельность распада действует в направлении вовне.

Так же обстоит дело, когда мы хотим проследить действие того, что инъецируется. В сущности, мы этим самым усиливаем процессы восстановления, чтобы правильным образом уравновесить процессы распада, и в случаях с инъекциями можно особенно отчетливо видеть, как должны были бы реагировать процессы распада. Инъекции оказывают правильное действие, когда мы видим, как процессы распада сначала сопротивляются и лишь постепенно правильным образом вливаются в процессы восстановления. Инъецируя что-либо, мы обнаруживаем, что наступают незначительные нарушения зрения и звон в ушах, что связано с начальным сопротивлением процессов распада приходу правильным образом к равновесию с усиленными процессами восстановления. Подобный симптом, если он действительно возникает, есть гарантия того, что происходит внедрение в процесс.

Из этого видно, что в Антропософии речь идет вовсе не о том, чтобы предоставить для сектантских собраний теток и дядек схемы, по которым они могли бы разложить все по полочкам: человек состоит из физического тела, эфирного, астрального и Я... Речь идет о серьезном целостном понимании человека и его взаимоотношений с миром, о внесении духовного в материальное. И то, что Антропософия может проследить духовное в

материальном, и есть то, с чем должна считаться Антропософия, если она хочет завоевать свою позицию в мире. Так как пока мы будем просто работать для собраний теток и дядек в сектантских кругах, в которых они в устной форме передают из поколения в поколение свои классификации человека, мы будем иметь дело только с тем, что будет приводить к ссорам, ругани со всевозможными сектантскими кругами. Но, когда действительно проявляется то, как все другие земные знания освещаются тем, что было понято в Антропософии, и это понимание охватывает все остальные знания, как я это вчера показал, как прежде астрология освещала все события Земли, тогда с помощью Антропософии мы приобретаем то, с чем мы сможем снова войти в процесс современной цивилизации для того, чтобы в процессе человеческого цивилизационного процесса смогло завоевать себе место действительно восстановление в противовес идущим из древних времен процессам распада.

Такую же серьезность необходимо иметь, когда называют себя сторонником Антропософии. Естественно, невозможно одному всегда действовать так, чтобы самому, например, дойти до понимания, как белладонна, с одной стороны, а хлор, с другой стороны, действуют на организм человека. Речь вовсе не о том, чтобы кто-нибудь один это нашел, но о том, чтобы в широких кругах было понимание, общее ощущение и чувство понимания того, как благодаря антропософскому познанию мира и человека можно найти исцеляющее. В педагогике вальдорфских школ вовсе не требуется, чтобы был воспитан каждый человек, или, по крайней мере, чтобы можно было воспитать детей школьного возраста. Но требуется, чтобы существовало общее понимание того, как построена педагогика на основе знаний о мире и человеке. В чем нуждается Антропософия – так это в идущем навстречу ей понимании. Было бы абсолютно неправильным, если бы верили в то, что каждый должен все знать. Но деятельность антропософской общины должна состоять в том, чтобы найти общее, основанное на здоровом человеческом рассудке, понимание того, что в смысле человеческого блага и человеческого будущего пытается добиться и осуществиться именно через Антропософию.

Запись в записной книжке 11 февраля 1923г.

Гной - органическое (эфирное), пронизанное внешней центробежной астральностью - на пути вовне -

Выделение с потом - (эфирное) органическое, пронизанное внутренней центростремительной астральностью - на пути исчезновения из физического мира - В исцелении организм лишь продолжает тот процесс, который уже присутствует в нем и который проявляется в каждодневном отражении внедряющихся в человека внешних процессов, действующих отравляюще -

Нижняя система (которая и осуществляет этот процесс) выделяет внешнее, предварительно пронизав его центробежными силами, как они действуют в процессе роста растения, как они присутствуют во сне -

Но отравляющее - действующее центростремительно - нервно-чувственной системы - что приводит внешний мир вовнутрь - оно ведет внешний мир вовнутрь, предварительно охладив его (сделав его одной лишь формой), так, чтобы через него духовное непосредственно внедрялось вовнутрь - Нарушения вдоха, питания - слишком сильные дневные процессы; слишком сильный выдох, переваривание - слишком сильные ночные процессы.

Тело не восприняло дух, слишком сильные ночные процессы = лихорадит (жар): внутри образуются размягчения - гнойное.

Тело слишком сильно воспринимает дух, слишком сильные дневные процессы = человек замерзает - внутри образуются отвердения; внутри эксудативно-распадающееся.

МОРАЛЬНЫЕ ИМПУЛЬСЫ И ФИЗИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СУЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА. РАССМОТРЕНИЕ ОДНОГО ДУХОВНОГО ПУТИ.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 16 февраля 1923г.

Продолжая то, что я сказал в предшествующих рассмотрениях о задачах антропософского мировоззрения в современности и в развитии человечества, я хотел бы в дополнение к нашим рассмотрениям привести сегодня, с другой стороны, еще кое-что: те точки зрения, которые могут возникать, когда мы увидим, что развитие мировоззрения XIX столетия нашло во Фридрихе Ницше²⁶ в известной мере род приведения к абсурду, и как затем именно на явлении Ницше может быть показано, что такое воззрение на мир и человека, какое представлено в Антропософии, является для развития человечества исторической необходимостью. Я не хотел бы повторять то, что уже высказывал о Ницше здесь и в других местах в антропософском движении, но я хотел бы сегодня указать на два поворота в мировоззрении Ницше, которых я еще мало касался.

Через всю жизнь Ницше тянется его тенденция обращаться к рассмотрению ценности и существа морального в человеке. Ницше был в собственном смысле слова философом морали. Он хотел добиться ясности о происхождении морали, о значении морали для человечества, о ценности морального для мирового порядка, и при этом стремлении к ясности мы видим, как именно два существенных поворота проходят через всю его жизнь, которая и в отношении многого другого претерпела самые различные изменения.

Первым было то, что у него на протяжении всей его жизни, можно сказать – с того момента, который он пережил уже на втором курсе университета и вплоть до самой его смерти – было его, в сущности, атеистическое воззрение. Атеистический момент – это то, что прошло через все изменения мировоззрения Ницше.

Второе – то, что он по отношению к тому, что странным образом выступало ему навстречу в моральных импульсах современности, что также выступало ему навстречу в интеллектуальных, в практических импульсах человеческой жизни современности, он принципиально господствующей добродетелью сделал честность, добросовестность по отношению к себе, по отношению к другим, по отношению ко всему мировому порядку. Честность, порядочность – это то, что он рассматривал как важнейшее, прежде всего необходимое современному человеку как в отношении внутреннего души, так и в отношении внешнего мира.

Однажды Ницше перечислил четыре главных добродетели, которые он считал в человеческой жизни важнейшими. Из этих

четырёх главных добродетелей честность, добросовестность по отношению к себе и другим является первой. Эти четыре главных добродетели следующие: во-первых, честность по отношению к себе и своим друзьям; во-вторых, храбрость по отношению к врагам; третья главная добродетель – великодушие по отношению к побежденным, и четвертая главная добродетель – это учтивость по отношению ко всем людям вообще.

Однако все эти четыре главных добродетели, которые Ницше рассматривал как особо необходимые современному человечеству, все они сводятся к той, которую он обозначил первой, и которую он принял как вид необходимой добродетели времени, они сводятся к честности, к добросовестности.

И, можно сказать, это – связь между добродетелью честности и его атеизмом.

Ницше прежде всего всецело вырос из своего века. Он затем вырос из этого века в еще большем, всеобъемлющем смысле. Уже из поверхностного рассмотрения явствует, что он, прежде всего, базируется на шопенгауэровском мировоззрении, которое также является атеистическим, и что он в первый период своей жизни видит это шопенгауэровское мировоззрение художественно осуществленным в музыкальной драме Рихарда Вагнера. Итак, Ницше исходил из Шопенгауэра и Вагнера. Затем он усвоил то, что в научной жизни можно назвать позитивизмом, т.е. то мировоззрение, которое мыслит все мировое формирование построенным исключительно на непосредственно воспринимаемом, на воспринимаемом чувствами, так что оно видит чувственно воспринимаемое единственно определяющим для мировоззрения. Затем, в третий период, Ницше пришел к определенной самостоятельности, когда он, переработав современную теорию развития, оформил ее так, чтобы применить ее к человеку, установив перед душой что-то вроде позитивистского идеала: путем некоего развития человек должен превратиться в сверхчеловека.

Так Ницше всецело вырастал из различных течений мысли, культурных течений своего времени. Но как он вырастал? В ответе на этот важный вопрос заключено в то же время нечто важное в отношении характеристики всей эпохи, которая составляет последнюю треть XIX столетия. Нужно задать себе вопрос: почему Ницше стал атеистом? Он стал им, собственно, из честности, из внутренней честности. Он принял то, что ему мог предложить в познании XIX век, /то,/ что он со священным усердием, т.е. с полнейшей честностью мог извлечь из этого познания XIX века. И он сказал себе весьма эмоционально: если я честно принимаю этот особый способ познания XIX века, то он ни в чем не позволяет мне обращения к божественному, и тогда я должен исключить божественное из моего мыслительного мира.

Именно здесь заключен первый большой разлад между Ницше и его веком, так что он должен был становиться борцом против своего времени. Когда Ницше видел вокруг себя людей, также принявших познание XIX столетия, то он чаще всего замечал, что они, наряду с этим, были еще верующими в божественный мировой порядок. Он ощущал это как нечестность. Ему это представлялось нечестным: с одной стороны, принимать мир так, как его принимало познание XIX столетия, а с другой, – предполагать еще нечто божественное. Поскольку он говорил еще в различных мыслительных формулах XIX столетия, он высказывал, собственно, не то, что он инстинктивно ощущал по отношению к мировоззрению XIX столетия. Он ощущал, что это XIX столетие рассматривает мировые явления так, как рассматривают человеческий организм, имея его перед собой как труп, когда он уже умер. Если, так сказать, верят в этот человеческий организм в его смерти, если верят, что этот мертвый организм имеет внутреннюю истину, тогда, собственно, нельзя честно верить в то, что этот организм имеет смысл лишь тогда, когда он пронизан живым, одушевленным и одухотворенным человеческим существом. Кто изучает труп, тот должен был бы сказать себе: то, что я могу созерцать, что я могу изучать, не содержит никакой истины; оно лишь тогда содержит истину, когда оно пронизано одухотворенным человеком. Оно предполагает одухотворенного человека. Но человека здесь нет, если предо мною – труп.

Ницше совершенно ясно это ощущал, хотя и высказывал не совсем отчетливо: рассматривать природу так, как ее рассматривает современное познание мира – значит рассматривать ее как труп. Нужно было, собственно, сказать себе: то, что мы вокруг нас интерпретируем как природу, божественного в себе больше не содержит. Но если мы придаем ей цену в ее абсолютности, если мы говорим об этой природе, имея в виду лишь ее законы, то, видимо, надо отрицать, что в ее основе лежит божественное. Ибо, когда она так стоит здесь перед нами, эта природа, в ее основе заключено столь же мало божественного, сколь мало человеческого заключено в человеческом трупе.

Примерно таковы были ощущения, которые жили в душе Ницше. Но мировоззрение XIX столетия, все же, оказало на него столь сильное влияние, что он сказал себе: да, перед нами нет ничего иного, кроме этой природы, и новое время научило нас не иметь перед собой ничего иного. Если мы придерживаемся этого познания природы, то мы должны отказаться от Бога.

Итак, Ницше, как ученик Шопенгауэра, отказался от чего бы то ни было божественного, считая это нечестностью – обладать современным познанием и при этом еще говорить о

божественном. В этом отношении его душевная жизнь была чрезвычайно интересной, так как она стремилась именно к такой интенсивной честности. Он ощущал как культурную ложь XIX столетия то, что, с одной стороны, имели естественнонаучное воззрение, каким оно именно здесь было, и, с другой стороны, говорили еще о божественном. Но при этом он все же серьезно принимал жизнь в том природном порядке, в который верили. И он видел, что, собственно, жизнь современного человека развивалась так, что для него становилось совершенно естественным принимать такой природный порядок. Природа вовсе не принуждала современного человека к тому, чтобы он принимал этот порядок, но жизнь становилась такой, что она терпела лишь такое природное воззрение. Природное воззрение, собственно, пришло из жизни. И именно эту жизнь Ницше ощущал совершенно нечестной. А он стремился к честности.

Он должен был сказать себе: если мы живем в таком порядке, который современное человечество признает истинным, то мы никогда внутри этой истины не сможем ощущать себя людьми. Это, собственно, и было его основным ощущением в первый период жизни: как я могу чувствовать себя человеком, если я окружен этим естественным, как его теперь видят, порядком? То, что есть истина, не позволяет мне приходить к моему сознанию, как человеку!

Так снова и снова чувствовал это Ницше, поэтому он сказал себе в этот первый период жизни: если нельзя жить в истине, то надо жить в видимости, в поэзии, в искусстве.

И обращая свой взгляд на эллинизм, он надеялся увидеть в греках именно тот народ, который из определенной наивности должен был прийти к этому недовольству истиной, и который поэтому утешился бы видимостью, красотой. Он выразил это в своей первой столь прекрасно в стиле гимна написанной работе «Рождение трагедии из духа музыки». Он, например, хотел сказать: человек, пребывая в области истины, ты никогда не сможешь ощущать себя человеком. Так что беги из области истины в ту область, где ты сочинил себе мир, который не соответствует истине. В этом мире поэзии ты будешь утешен тем, чего тебе никогда не сможет дать истина.

Греки, считал он, как настоящие наивные пессимисты, должны были чувствовать, что в мире истины они не могли бы быть удовлетворенными. Поэтому они, прежде всего, создавали свои чудесные трагедии, мир прекрасной видимости, чтобы иметь в этом мире то, что может человека удовлетворить.

В музыкальной драме Рихарда Вагнера Ницше надеялся увидеть повторное обновление этой прекрасной видимости с весьма недвусмысленной целью – увести человека из так называемого действительного /реального/ мира – в мир видимости,

чтобы он как человек пришел к удовлетворению. Так что Ницше не мог сказать себе: если мы принимаем чувственный мир, углубляем рассмотрение чувственного мира, продвигаемся от внешнего откровения к внутренне божественному, то мы чувствуем себя, как человека, связанным с этим божественным, и приходим к тому, чтобы действительно чувствовать себя в мире человеком.

Этого соображения у Ницше быть не могло. Он не видел никакой возможности – ибо он хотел быть честным – прийти к такому соображению только из того, чем был XIX век. Отсюда следует другое: вся эта действительность не дает нам никакого удовлетворения, так что мы удовлетворяемся лишь в нереальном мире. Например – как если бы существа, пришедшие на планету, нашли бы там лишь трупы, и в этих трупах должны были бы видеть не отходы действительности, а истинную действительность, ибо они не видят душ, которые некогда одушевляли эти трупы; и как если бы эти существа, попавшие на планету с трупами, чтобы утешиться по отношению к ним, присочинили бы к этим трупам существ, которые бы эти трупы одушевляли. Это было первым мироощущением Ницше. И последовавшие за «Рождением трагедии» работы «Давид Штраус, сторонник веры и писатель», «О пользе и вреде истории для жизни», «Шопенгауэр как воспитатель», «Рихард Вагнер в Байрейте» были, в сущности, полемикой его честности с нечестностью времени.

Это время, хотя оно вовсе не следовало по пути из чувственности к духу, но все же еще говорило о духе, – это время говорило о божественном, хотя оно едва ли могло, по существу, принять божественное в свое познание. Это время говорило, например, так: раньше люди предавались иллюзии божественного, однако, мы из естественнонаучного рассмотрения знаем, что божественного нет, но зато у нас есть наши концерты, в которых мы музицируем. Есть, ведь, глава в книге Давида Фридриха Штрауса «Старая и новая вера», которая особенно рассердила Ницше, где именно Давид Фридрих Штраус выставляет, как довод, эту точку зрения филистера, обывателя. Поэтому Ницше против такого относительно выдающегося мужа, как Давид Фридрих Штраус, написал эту статью о Штраусе, как обывателе и писателе, чтобы показать, что люди либо являются нечестными, все еще принимая божественное, которое больше нельзя принимать, либо должны впасть в банальное филистерство, как он увидел это именно у Давида Фридриха Штрауса³⁰.

Но вот в жизни Ницше наступил второй период. Он оставался верным себе в отношении требования честности, верным себе он оставался и в отношении своего атеизма. Но в первом периоде он предполагал – хотя и эстетически окрашенные, но, тем не менее,

- идеалы, которые могли быть правомерными, и которыми люди могут утешиться в отношении действительности внешних чувств.

Но теперь, во второй период жизни, его дух больше примыкает к тому, что только лишь согласно мнению времени мир открывает человеку. И он сказал себе: даже если человек еще столь сильно предается идеалам, то эти идеалы все же рождены из его физической природы! Люди разыгрывают перед собой много прекрасного, но, все же, это идеально-прекрасное - слишком человеческое (ein Allzumenschliches).

Так для него наступило время, когда он особенно увидел человеческую слабость, слишком человеческое, преданность человека своей физической природе. И, так как он тогда серьезно принимал естественнонаучное воззрение, он сказал себе: человек не может ничего иного, кроме как предаться своей физической природе!

Еще его высказывание тех времен: высока физика, но еще выше - честность в вере в физику. Если бы мы все же были честными, - сказал он себе во втором периоде своей жизни, - для нас было бы ясно: если человек имеет еще и столь прекрасную идеалистическую мысль, все же она является лишь испарением его физической природы. И поэтому, если, подходя к человеческой жизни, мы описываем не дым, который она производит наверху, но мы описываем горючее внизу, из которого этот дым образуется, то мы приходим не к идеалистически-божественному, мы приходим тогда к человеческому, слишком человеческому.

Итак, во второй период своей жизни, Ницше, ибо он хотел быть честным по отношению к себе и к другим, прямо-таки убивал все идеалистическое в жизни. Так, он сказал себе: то, что люди обычно называют душой, является, собственно, всего лишь ложью. В основе ее лежит устройство тела, и кое-что, что происходит из этого устройства тела, обнаруживается именно так, что ему дают имя «душа».

И Ницше видел в этой приверженности отдельных современных ему людей, например, к Вольтеру, верное объяснение этого, то верное объяснение, которое состоит в том, что человек больше не пускается в какие-то иллюзорные миры, чтобы упорхнуть от действительности, но усматривает действительность в ее физической природе и видит происхождение всего морального из физического.

И если посмотреть затем на третий период жизни Ницше, то в глаза должно броситься именно то, что он, я бы сказал, уже из высоко-патологической природы довел эту честность до эксцесса, когда он сказал: если серьезно и честно принимать то, что можно знать в современном смысле о природе и законах природы, то следует сказать: все, что должно жить здесь, в существе человека,

как дух, это – всего лишь испарение его физического существа. Поэтому только тот человек может быть совершенным, у которого физическое существо в сравнении с другими оказывается более совершенным, т.е. обладающим такой физической природой, что в нем живут более сильные инстинкты.

Инстинктивную жизнь по отношению ко всей душевно-духовной жизни Ницше рассматривал в конце концов как то, что в развитии возносит человека над самим собой; в то время, как инстинкты становятся все сильнее и сильнее, инстинкты остаются инстинктами, но все больше и больше перерастают животное: здесь человек превращается в сверхчеловека.

Что же это все-таки было, когда Ницше так устремился вперед, что сначала признавал идеальное в иллюзии как необходимое для человека, а затем это идеальное, как он выразился, уличает (aufs Eis fuhr), увидя, как оно происходит из физического, и что он хотел к тому же вести человека к сверхчеловеку путем высшего развития его физической природы, его инстинктивной жизни? Это было невозможно – пребывать в мировоззрении XIX столетия, понимать физическое в смысле этого мировоззрения, а затем еще из него исходить, желая оставаться честным. Следовало именно оставаться в нем.

И Ницше развил, если можно так сказать – железную честность, помещая себя, со всем своим достоянием – в физическое. Так что, в действительности, собственно, его будущим идеалом, если здесь еще можно говорить об идеале, которого человеческая цивилизация должна была бы придерживаться, было то, чтобы человек освободился от великой иллюзии, иллюзии обладания духом. То, что обычно этих подоснов не видят у Ницше, который однако, сам, насколько это возможно, честно выкарабкивался, то причина тому – лишь то, что он отрицал дух настолько воодушевленно, что блестяще, остроумно прославил духовную бедность человечества.

Едва ли возможно стать философом морали, каким становился Ницше в силу всей своей предрасположенности, разделяя при этом мировоззрение XIX столетия, если стремиться принимать это мировоззрение честно. Так как если мы больше не можем говорить о том, что задача человека на Земле – внести в этот земной мир духовно-надземное, если считаем себя вынужденными оставаться в одном лишь земном мире, и при этом хотим учреждать мораль, то учреждать мораль у нас нет никакого права. Мораль становится вне закона, если со всей честностью принимать мировоззрение XIX столетия. И Ницше действительно глубоко внутренне пережил то, что мораль становилась вне закона. Он хотел быть философом морали. Но откуда взять импульсы морали? Это было для него большим вопросом. Если мы находим в человеке свечение сверхчувственного, а мораль

выступает как требование этого сверхчувственного в чувственном, тогда мораль возможна. Если в человеке не находят никакого сверхчувственного, как это случилось с мировоззрением XIX столетия, тогда нигде нет источников, из которых можно было бы получить импульсы морали. Если хотят различать добро и зло, то нуждаются в сверхчувственном. Но сверхчувственное для Ницше, который честно принял мировоззрение XIX столетия, должно было быть отклонено. И так он шарил вокруг в человеческой жизни, чтобы все же найти что-то вроде источника моральных импульсов.

Так, обзревая культурное развитие человечества, он нашел, что люди сильных рас выступали по отношению к более слабым людям как завоеватели, что эти люди более сильных рас навязывали более слабым направление своих действий, что они из своей инстинктивной природы требовали от тех, которые по отношению к ним выступили как завоеванные: вы должны делать так-то и так-то! – В какой-нибудь категорической императив, в заповеди морали Ницше верить не мог. Он мог верить только инстинктивным расовым людям, которые себя рассматривали как хороших, других же – как плохих, неполноценных людей, которым они навязывали направление деятельности.

И затем однажды к этому присоединилось то, что те, которые были, по мнению завоевателей, неполноценными, некоторым образом соединились; и теперь, со своей стороны, уже не грубыми древними средствами, но более тонкими средствами душевно-духовного, хитростью и коварством, сделались завоевателями других. И тех, которые сначала называли себя полноценными, хорошими, они назвали плохими, ибо теперь они были завоевателями, властными людьми, атлетами, воинственными людьми; они назвали их злыми. А себя, которых ранее называли неполноценными, плохими, они назвали добрыми. Быть бедным, ограниченным, угнетенным, слабым, но, тем не менее – владеть собой в слабости, в преодолении, это – добро. И быть завоевателями, побеждать другого, это – зло. Так возникало добро и зло из хорошего и дурного.

Но добро и зло еще не имели позднейшего морального привкуса, но лишь привкус завоевывающих, властных, благородных людей в противовес армии рабов, которые были неполноценными, плохими. И то, что здесь позднее стало различием между добром и злом, пришло только от восстания рабов, прежних плохих, неполноценных, которые теперь называли других преступниками и злыми, из мести за то, что с ними случилось. Так облаченная в понятия «добра» и «зла» позднейшая мораль казалась Ницше мстью подавляемых угнетателям. Но он нигде не находил внутреннего обоснования морального. Он мог становиться лишь по ту сторону добра и зла, а не в само добро и зло. Ведь чтобы найти внутреннее обоснование добра и зла, он

должен был прибегнуть к сверхчувственному. Но для него оно было иллюзией, оно было для него лишь выражением слабой человеческой природы, которая не хотела признаться себе в том, что ее истинное существо исчерпывается в физической природе.

Характеризуя Ницше, следовало бы именно сказать: собственно, все мыслящие люди его времени должны были бы говорить так как он, если бы они были столь же честными, как он. И он сделал это своей целью – быть совершенно честным. Поэтому он стал борцом против своего времени, и отсюда его острое духовное оружие, отсюда его стремление к переоценке всех ценностей. Он видел, что ценности, в мире которых он жил, созданы нечестностью. На протяжении столетий работали над тем, чтобы вывести современные естественнонаучные понятия, которые также введены и во всю историю. Но те же столетия оставили в человеческих душах еще и то, что уже не было с ними согласовано: божественные и моральные представления. В них сформировались ценности, которые теперь надо переоценивать.

Это – неслыханная трагика, эта жизнь Ницше. И я не думаю, чтобы кто-то действительно правильным образом понял существо человеческой цивилизации в последней трети XIX столетия и какие она имела последствия еще и в XX веке, если он даже не заглянул в такую трагиду, как она разыгралась в одной переживающей эту цивилизацию душе, в душе Ницше. Это действительно так, что все крушения, которые мы теперь переживаем, мы должны принять как последствия того, что Ницше называет нечестностью новейшей цивилизации. Я бы сказал, что Ницше стал борцом против своего времени потому, что он должен был сказать себе нечто сообразное ощущению: если эта нечестность продолжится, то лишь разрушительная борьба может разразиться в народах, принадлежащих этой современной цивилизации. И эта трагика в жизни Ницше проистекла именно из того, что Ницше хотел найти основы морали, но с образованием своего времени он не мог их найти. Нигде не нашлось для него источника, из которого он мог бы черпать моральные импульсы. И так он продвигался наощупь, шаря повсюду израненными пальцами. И из боли изобразил он свое время так, как он его именно изобразил.

Что он искал? Он искал то, что вообще можно найти лишь в сверхчувственном, чего в области чувственного найти нельзя. Он искал это. Ибо, представьте себе столь прекрасные, великие, величественные принципы морали: машину ими не разогреть, колесо ими во вращение не привести, электрический аппарат ими двигаться не заставить. Но если применяют в своем познании только то, что приводит в движение машину, приводит в движение электрический аппарат, вращает колесо, если в свое познание вводят только это, то никогда не поймут, как то, что живет в

человеке как моральный импульс, должно теперь вмешиваться в собственный человеческий организм. Можно выдумывать самые величественные идеалы: они могут быть лишь дымом и туманом, так как нет никакой возможности, чтобы они вмешались где-либо в мышцу, в какую-либо сноровку и т.п. Нигде нет чего-либо в чувственном мире, где мы бы видели, что моральные идеалы вмешиваются в органическое. Выдумывай самые прекрасные моральные идеалы, – только и мог сказать себе Ницше, – если ты лелеешь их в своей голове, то ты к своему собственному организму относишься так же, как к машине. Ты можешь повесить перед машиной плакат с надписью «моральные идеалы»; она этим не разогреется, она не будет вращаться. Но должен ли ты вращаться, если ты таков, как это говорит тебе естествознание, должен ли ты вращаться сообразно с тем, каковы твои моральные идеалы? Ты можешь выдумывать их, они могут быть прекрасными, но вмешиваться в мировой передаточный механизм они никогда не смогут! Поэтому по отношению к действительности они являются ложью. Не тот человек, который предается идеалам, является эффективным, а тот, который разогревает свою машину так, что его инстинкты становятся сильными: «белокурая бестия», как это парадигматически выразил Ницше.

И так Ницше со своими проблемами стоял перед человеком, который для него мог быть нравственным только при условии, если бы в нем нашли точку приложения моральные импульсы. Они ее не находили. Поэтому никакого добра и зла, но – «По ту сторону добра и зла».

Но теперь подумайте: все это современное познание мира мы должны были бы всегда характеризовать, говоря, что оно никогда не приблизится к человеку, что оно не может добыть никакого воззрения, никакого представления о человеке. Так что человека – нет, если мы переживаем в своей душе в смысле современного мировоззрения. И тем не менее, все в Ницше склонялось к человеку. В силу чего-то, чего он иметь не мог, все склонялось! И вот он еще хотел – вполне в духе современного развития мысли – перевести человека в сверхчеловека; только человека у него не было. Как же показать, как то, чего вовсе не было, переходит в сверхчеловека?! Человека здесь не было для созерцания, для ощущения, для чувства, для волевых импульсов. Теперь – лишь сверхчеловек! Это было так, как если бы говорить только по старой привычке, формулируя эти слова: человек и сверхчеловек – и задохнуться, как задыхаются в безвоздушном пространстве, ибо эти слова лишены содержания.

Ницше стоял перед необходимостью войти в сверхчувственный мир с моральными проблемами, но войти не мог. Это было его внутренним трагизмом. И, вместе с тем, он в то же время является представительной душой конца XIX столетия, той

представительной душой, которая указывает на необходимость следующего: если вы, как люди, хотите оставаться честными, – вы должны, чтобы не объявлять моральные идеалы ложью, входить в сверхчувственный мир (müßt ihr... in die übersinnliche Welt eintreten).

Ницше становится безумным, ибо он стоит непосредственно перед необходимостью войти в сверхчувственный мир, но войти не может. Множество других людей безумными не становятся; но я не хочу объяснять причины, почему они не становятся, так как даже при описании характерных особенностей цивилизации надо соблюдать определенные границы учтивости. Но из жизни Ницше вытекает: современный человек может быть честным, добросовестным по отношению к себе и другим лишь если он вхож в сверхчувственный мир. (Ehrlich, redlich kann der moderne Mensch gegen sich und andere nur sein, wenn er in die übersinnliche Welt eintritt.)

Иными словами, это значит: нет честности и добросовестности в не-сверхчувственном мировоззрении (Ehrlichkeit und Redlichkeit gibt es in einer nichtübersinnlichen Weltanschauung nicht). Также и пути от человека к сверхчеловеку – не найти, если нельзя идти от чувственного в сверхчувственное. И если мораль принадлежит в определенном смысле сверхчеловеку, то она требует, чтобы этот сверхчеловек искал не в чувственном, но в сверхчувственном, иначе на это простое слово, слово «сверхчеловек», ничто в мире не отзовется.

Завтра я хочу рассмотреть тему с другой стороны – как теперь далее должно выполняться то, что встретил Ницше, чтобы моральные ценности могли быть в человеческой жизни правильно постигаемыми и приводимыми в созвучие с познанием нашего времени.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 17 февраля 1923г.

Вчера на примере Ницше, который хотел быть философом морали, я попытался объяснить, как человек, который полностью живет в сегодняшней внешней цивилизации, и, который, тем не менее, как Ницше, хочет черпать моральные импульсы из всей человеческой природы – должен потерпеть неудачу, ибо на пути современного рода познания не может быть найдено то, как моральные импульсы воздействуют на физическую жизнь.

Сегодня мы имеем цивилизацию, которая, с одной стороны, признает значимость естественнонаучных законов, которые формируют также и наше воспитание, так что мы уже с детства усваиваем воззрения о природных взаимосвязях. С другой стороны, у нас есть моральное мировоззрение, которое существует само по себе. Мы понимаем моральные импульсы как заповеди

или как обычные конвенциональные правила поведения, получаемые в контексте социальной человеческой жизни. Но мы не можем мыслить в тесной взаимосвязи нравственную жизнь – с одной стороны, и физическую жизнь – с другой. И я вчера обратил внимание на то, как Ницше, исходя из того, что он сделал своей высшей добродетелью, из честности, из добросовестности перед самим собой и другими, в конце концов, все же пришел к тому, чтобы придавать ценность в человеке лишь физическому, а затем из физического, которое он оценил как «человеческое, всего лишь человеческое», позволить произойти также моральному. Желая быть честным по отношению к мировоззрению своего времени, он со своей философией морали потерпел неудачу оттого, что он не мог прийти к тому, чтобы видеть, как в индивидууме взаимодействуют моральное и физическое.

Это взаимодействие мы также не увидим, если не войдем в область, которая называется сверхчувственным в его настоящем смысле. Нам должно быть ясно, что только в самой человеческой жизни устанавливается в известной мере контакт между тем, что ощущают как моральные импульсы, между моральными идеалами и физической деятельностью, физическими процессами в самом человеческом существе. И сегодня это – большой вопрос: если у меня есть моральный импульс, остается ли он чем-то весьма абстрактным, или же он может входить в взаимодействие с физической организацией?

Я вам вчера говорил: когда мы стоим перед машиной, то мы, конечно, можем быть уверены в том, что моральный импульс не вмешивается в механизм машины. Между тем, что является моральным мировым порядком, и механизмом машины нет никакой связи. В современном естественнонаучном мировоззрении, в котором человеческий организм все в большей степени представляется подобным машине, что имеет значение и для человека в целом, моральные импульсы остаются иллюзиями. Человек может очень даже надеяться, что какое-либо существо, которое дано ему в откровении, вмешивается в моральный мировой порядок, вознаграждает добро и наказывает зло; но он не может каким-либо образом из самого мирового порядка увидеть связь между моральными импульсами и физическими процессами.

Итак, я хотел бы указать сегодня на ту область, где эта связь между тем, что человек переживает в себе как моральное и физическое, действительно выступает. Чтобы лучше понять мои дальнейшие высказывания, рассмотрим сначала животное.

В животном мы имеем взаимодействие физического организма, эфирного организма формообразующих сил и астрального организма. Собственное Я непосредственно в животную организацию не воплощено, но оно воздействует на животную организацию извне как групповое Я. Итак, мы по отношению к

животному должны уяснить, что в его организации надо отчетливо различать два направления. Рассмотрим голову животного. У высших животных, как и у человека, голова – преимущественный носитель нервно-чувственного организма. Мы видим, как все то, что животное принимает из внешнего чувственного мира, проникает в него в основном через органы его головы.

Конечно, остается несомненным то, что я снова и снова подчеркивал, что мы не можем относить членение организма непосредственно на одну его физическую часть. Мы должны сказать: животное в определенном отношении является полностью головой, ибо оно может воспринимать везде на протяжении своего тела. Но преимущественно нервно-чувственным организмом животное является именно в голове. Здесь оно получает свое отношение к внешнему миру. Если мы рассмотрим затем животное во всей его организации, рассматривая его относительно его остального организма, как имеющего в какой-то мере противоположный полюс организации головы – на конце хвоста, то, рассматривая членение животного на его физическую, эфирную и астральную организации, мы обнаруживаем, что астральная подвижность животного в определенной мере протекает в направлении сзади – наперед. Астральные потоки, течения его астрального организма постоянно текут в направлении сзади – наперед, и они встречаются с восприятиями, которые получают органы чувств в голове. Так что в животном мы имеем потоки, струящиеся друг в друга, в направлениях сзади – наперед и спереди – назад. Я хотел бы схематически изобразить эти втекания друг в друга так, что в направлении сзади – наперед у животного идут астральные течения (красные стрелки), а им навстречу струятся чувственные восприятия от головы – назад (желтые стрелки). Между этими обоими потоками у животного происходит взаимодействие, распространяющееся по всему организму.

Вы можете отчетливо видеть это взаимодействие у собаки. Собака видит своего хозяина и виляет хвостом. Если собака видит своего хозяина и виляет хвостом, это означает, что она получает восприятие своего хозяина, и этому восприятию, которое уменьшается в направлении спереди – назад, навстречу этому восприятию, идущему извне, струится изнутри астральное. И это встречное течение всего организма в направлении сзади – наперед выражается у собаки в вилянии хвостом. Здесь происходит полное согласование. И тот, кто хотел задать вопрос о выражении радости на собачьей физиономии, тот не должен был

бы столь пристально смотреть на морду собаки, когда она обратила внимание на своего хозяина, но он должен был бы следить за виляющей предупредительностью хвоста: именно в этом заключается ее физиономия.

В сущности, так обстоит у любого животного. Только, скажем, если мы спустимся к рыбам, это не будет так заметно, так как здесь астральное тело более самостоятельно. Но созерцающему сознанию это тем нагляднее. Созерцающему сознанию становится совершенно ясным, что, если рыба воспринимает посредством своего нервно-чувственного аппарата то, что встречается ей в потоке, она сама посылает навстречу собственный астральный поток в направлении сзади – наперед, и тогда открывается чудесное сверкание друг в друге того, что рыба воспринимает, и того, что она проявляет. Это тесное взаимодействие астрального потока вовне (все же это – это астральный поток вовне, который существо принимает с чувственными восприятиями) и астрального потока в направлении сзади – наперед у человека прервано тем, что человек – существо прямоходящее.

Вследствие того, что человек – существо прямоходящее, он не может таким же образом, как например, собака, столь же непосредственно посылать астральный поток навстречу восприятиям чувств. Позвоночник у собаки – горизонтальный. Движение астрального в направлении сзади – наперед проходит непосредственно через ее голову. У человека – голова поднята. Вследствие этого все отношение тех астральных течений, которые устремляются в направлении сзади – наперед, которые составляют собственное внутреннее существо, согласование этих течений с теми потоками, которые приходят от восприятий чувств – не столь просто, как у животного. А именно, что касается морального существа человека, то нужно точно изучать то, что я именно предположил здесь, чтобы понять вмешательство морального в физическое у человека. У животного мы не говорим о морали, так как именно у животного эти потоки астрального в направлении сзади – наперед и в направлении спереди – назад ничем не прерываются.

У человека же происходит следующее.

Человек – поднимает свою голову из астрального потока, который происходит от него, который идет в направлении сзади – наперед. Этот подъем головы означает именно воплощение собственного Я. То, что кровь продельывает в какой-то мере не только горизонтальный путь, но что кровь должна устремляться вверх, как носитель внутренних сил Я, это делает то, что человек переживает свое Я как собственное Я, как свое индивидуальное Я.

Но это приводит также и к тому, что у человека голова, т.е. главный носитель восприятий чувств – полностью отдана внешнему миру. Человек, собственно, гораздо более упорядочен тем, что его чувство осязания гораздо более независимо от чувства зрения, чем, например, у животного. У животного имеет место тесный контакт чувства осязания и чувства зрения. Когда животное что-то видит, то оно имеет непосредственно ощущение, что оно также и осязает то, что видит. Органы осязания ощущают себя возбужденными также и зрением. Это возбуждение органов осязания встречается, в особенности, с потоком, который идет в направлении сзади – наперед. У человека голова поднята и полностью отдана внешнему миру. Это выражается, в частности, в чувстве зрения. Чувство зрения человека является, я бы сказал, чем-то вроде эфирного чувства. Мы лишь постепенно учимся путем суждения оценивать то, что в физическом мире является, например, расстоянием и т.п. Мы, как люди, видим преимущественно то, что выражается в цвете и в оттенках цвета.

Обратите внимание, что человек перешел к перспективе в живописи только в то время, когда родился интеллектуализм. У древних художников вы не найдете никакой перспективы пространства, так как только в это время, на окольном пути суждения, через интеллектуализм, глаза привыкли видеть то настоящее, что выражается в перспективе, т.е. в дистанцированиях.

Для глаза здесь преобладает цвет, светотень, градация светотени. Но все это, распростираясь над предметами – происходит, собственно, из космического пространства. Солнце посылает свет, и в то время как свет, который приходит из космического пространства, падает на вещи Земли и отражается, глаз видит вещи, собственно – не с помощью земных сил, а с помощью космических, мировых сил.

Но это вообще симптоматично для человеческой головы. Она больше принадлежит эфирному миру, чем физическому. Человек осваивается в физическом мире, собственно, посредством того, что он в нем ходит, он его ощущает. Но он находится в физическом мире меньше благодаря тому, чем являются органы чувств его головы.

Представьте только, сколь призрачным был бы мир, сколь эфирно-призрачным, если бы мы воспринимали пространственность не чувством осязания, но воспринимали бы от пространства только то, что нам передает глаз! Животная организация в отношении головы – совершенно иная, чем организация человеческая. Животная организация головы значительно больше взаимосвязана с физической реальностью, чем человеческая организация. Принимая восприятия своей головы, человек получает в них нечто идеальное, эфирное. Своей

головой он, собственно, живет полностью в эфирном мире.

Итак, голова также внешне – и то, что я имею здесь в виду, это не всего лишь нечто поверхностное, – но голова человека также внешне имитирует Космос. Возьмите формирования головы у отдельных животных. Они являются непосредственно выражением собственной животной телесности. Эти космически закругленные образования головы человека вы у животных не найдете. В самом деле, человек в своей голове является отображением космического сферического, и он добивается в ней образности космического сферического благодаря тому, что линия его тела не горизонталь, как у животного, а именно вертикаль; что он из горизонтали поднимается в вертикаль. Но это особенно выражено, если принять во внимание всю организацию человека. Физическая организация человеческой головы привязана к эфирной организации, которая действительно полностью отражает в себе чистоту Космоса. Организация человеческой головы в эфирном теле на протяжении всей земной жизни человека является чем-то, что мало затрагивается земным, что остается совершенно космическим именно в своем эфирном, и еще более – в своем астральном. Это ведь так, что, когда человек от одной земной жизни переходит к следующей, организация, которая лежит вне его головы, т.е. то, что ниже его головы (голова как силовая система после смерти теряется) преобразуется – конечно, не физическая материя, а взаимосвязь сил – и метаморфозирует, становясь в следующем воплощении, в следующей земной жизни головой. Так что человеческая организация, чтобы стать организацией головы, должна сначала пройти через Космос. На Земле человеческая организация головы образоваться вовсе не может. Человек своей головой совершенно отдан космическому, к земному человек привязан только своей остальной организацией. Поэтому мы можем сказать: у животного вся конфигурация головы происходит из его остальной организации, у человека же – голова с определенной самостоятельностью поднимается из остальной организации. Но эта остальная организация теснится вовнутрь, в голову человека во всем том, что становится в человеке жестом и мимикой лица. Если вас охватило внутреннее возбуждение, скажем, чувство страха, то здесь то, что лежит в системе обмена веществ, в системе кровообращения, выражается силами человеческого организма в бледности лица и в мимике. Подобное имеет место при других внутренних возбуждениях. У человека мы видим, как то, что существует в остальном организме духовно-душевно, т.е. астрально, изливается в голову, вплоть до окраски кожи, в особенности – вплоть до мимики, и в голове физиономически, можно сказать – подвижно-физиономически отражается то, что астрально живет в остальном организме.

Очень интересно наблюдать, например, как человек то, что он говорит (это приходит из его Я) – сопровождает определенной мимикой, как выражается в его облике то, что живет в его астральном теле. Созерцая облик говорящего человека, мы со словами, которые он высказывает, воспринимаем его Я, а с мимикой – сопровождающие процессы в его астральном организме. Но с этим астральным организмом головы, который создает мимику, теперь также связан эфирный организм головы, а этот эфирный организм головы является чудесным отображением Космоса. Это нечто весьма примечательное – сверхчувственным видением наблюдать говорящего человека. Здесь мы видим, как своей мимикой заявляет о себе повсюду астральный организм, но, вместе с тем, сколь мало волнуется этой мимикой эфирный организм головы. Эфирный организм головы противится принимать в себя, в свое формирование – мимику. Очень интересно наблюдать, как определенные песнопения в стиле гимнов, например, в которых человек проникнут чувством святости в своем астральном теле, легко принимаются в эфирное тело головы, и хотя эфирное тело – против облика, при любой мимике оно показывает световую игру; но в расположенных дальше назад частях эфирное тело проявляет острое сопротивление принятию из мимики каких-либо процессов.

Вы в этом видите, что человеческая голова, хотя и стоит в определенном отношении к остальному организму, но это отношение подчиняется определенным законам, так как эфирное тело моделирует Космос и хотело бы оставаться в этой конфигурации Космоса, не хотело бы позволять себя смущать, в особенности тем, что приходит из страданий, из страстей, из инстинктов человеческой природы.

Итак, имеется нечто в высшей степени значительное. В облике мы видим определенную мимику, которая внешне обнаруживается у человека. Эта мимика зависит от темперамента, от характера человека, от различных душевно-физических характерных особенностей. Но имеется другая мимика в человеке, даже намного более живая мимика, только лежит эта мимика не в его сознании, но лежит она в подсознательном. Она – сверхчувственной природы. Она не лежит в той области, куда человек входит своим чувственным наблюдением. Если вы рассматриваете астральное тело человека не так, как оно принадлежит голове, а как оно принадлежит, в особенности, организму конечностей и обмена веществ, если вы рассматриваете астральное тело человека, как оно окружает и пронизывает ноги, как оно окружает и пронизывает живот, тогда вы получаете в этой части астрального организма за сверхчувственным созерцанием также видение мимики, очень живой мимики, физиономии, которая здесь выражается. И что

примечательно, что эта мимика, эта физиономия, обнаруживается как мимика извне вовнутрь. В то время как та мимика, которая выражает человеческую речь или иное человеческое участие в окружении – обнаруживается вовне, мимика, которую человек не имеет в своем обычном сознании, обнаруживается вовнутрь. Это очень интересный факт.

Я хотел бы показать вам это наглядно, схематически. Предположим, у вас здесь человек. Здесь тогда мы имеем астральное тело (красное), которое является автором мимики, открывающейся вовне. Мы имеем то же астральное тело, но другую часть его здесь (желт.), и в то время как мы имеем вовне открывающуюся мимику здесь (наверху) в этом астральном теле, здесь (внизу) мы имеем мимику, которая обнаруживается совершенно вовнутрь: эта часть астрального тела в какой-то мере оборачивает облик вовнутрь. Человек в обычном сознании ничего не знает об этом, но это так. Когда мы рассматриваем ребенка, мы находим, как он постоянно обращает эту мимику этой части астрального тела вовнутрь, а если мы рассматриваем более взрослого человека, то выражение этой мимики становится даже более или менее постоянным. Человек получает здесь свою физиономию вовнутрь. И что же это за мимика? В основе этой мимики лежит следующее.

Если человек движим импульсом того, что в обычной жизни называют, по праву, добрым деянием, моральным деянием, тогда имеет место иная мимика вовнутрь, чем в том случае, когда он движим импульсом злого деяния. Когда человек совершает эгоистический поступок, у него в какой-то мере безобразное выражение, безобразное выражение лица, так сказать, направленное вовнутрь. Ибо все моральные деяния сводятся, в сущности, к неэгоистическим деяниям, все аморальные деяния – к эгоистическим. Только в обыденной жизни эта настоящая моральная оценка маскируется, ибо даже весьма аморальный, совершенно проникнутый эгоистическими мотивами субъект следует конвенционально определенным правилам морали. Ему самому это вовсе не свойственно. Но здесь он встроен в то, что ему привито, или он делает это потому, что его смущает – что скажут другие. Он вставлен, как звено в цепь. Но действительно моральное, которое действительно слито с человеческой индивидуальностью, живет в ней, уже определено тем, что благо приходит из нашего интереса к другому человеку; из того интереса, который мы можем достичь тем, что мы чувствуем и испытываем, как свое собственное, то, что чувствуют и испытывают другие, в то время как аморальное изначально является чем-то таким, где человек игнорирует, не сочувствует тому, что чувствуют другие люди. Хорошо мыслить – означает, в сущности, способность поставить себя на место других людей,

дурно мыслить – не мочь поставить себя на место других людей. Это может становиться затем законами, обычными правилами, вещами, которые смущают или не смущают. Затем то, чем, собственно, является эгоистическое, может быть весьма оттеснено соглашением, конвенцией. Но, все же, это не служит мерилom для моральной по существу оценки того, что делает человек, следует глубже всматриваться в человеческий характер, в человеческую природу, чтобы быть в состоянии обсуждать собственную моральную ценность человека. Моральная ценность выражается в астральном теле тем, что эта часть астрального тела обращает вовнутрь прекрасный облик, если в человеке живут неэгоистические деяния, бескорыстные импульсы, и обращает вовнутрь безобразное выражение лица, если в человеке живут эгоистические, злые импульсы. Так что дух, который читает в человеке внутри, может точно так же судить по этой физиономии, добрый ли человек или злой, как можно оценивать человека по другим свойствам его мимики. Все это не стоит в обыденном сознании, но оно неизбежно пребывает здесь. Нет никакой возможности, чтобы нечестность не вошла глубоко в этого человека. Можно мыслить прожженного жулика, который владел бы всей той мимикой своего лица, которая идет вовне, который являл бы миру невиннейшую физиономию, развивая в то же время подлые импульсы; но в том, что является здесь в его астральном теле и дает ему физиономию, мимику вовнутрь, здесь он не может быть нечестным, здесь он моментально становится чертом, когда он лелеет свои аморальные мотивы. Внешне он может выглядеть невинным, как ребенок, вовнутрь же, в самого себя он выглядит как черт; и чистый эгоист созерцает свое сердце с дьявольской ухмылкой. Это просто является законом, так же, как законами являются законы природы.

Но теперь приходит то, что является решающим. Если здесь развивается безобразная физиономия (внизу), то приученная к Космосу голова отталкивает эту физиономию назад, она ее не принимает, и человек так строит тело в своем эфирном, как оно создается при участии Аримана, где голова является чахлой, заинстинктивированной (*verinstinktiviert ist*). Все это входит в нижние части эфирного тела. Голова этого не принимает, и человек в своем нижнем эфирном теле становится ариманическим, и протаскивает затем также в свою голову то, что это ариманическое тело втыкает еще и в голову. Примечательно именно то, что человек в своей голове, уже в тепловом эфире головы отталкивает физиономию аморального, она не проходит наверх. Так что аморальный человек носит в себе эфирно-ариманический организм, и его голова остается свободной от влияний того, что в нем содержится. Остается, правда, отображение Космоса, но оно, собственно, принадлежит ему все

меньше и меньше, так как он не может в него проникать своим собственным существом.

Аморальный человек вследствие этого мало продвинут в отношении своей жизни в прежнем воплощении. То, что стало его головой при преобразовании остального тела прежнего воплощения, остается головой и тогда, когда он умирает, он не продвинется слишком далеко в отношении своей головы. Напротив, то, что обуславливает моральную фантазию – струится у человека вверх, вплоть до головы. Это способствует вертикальному направлению. Именно в вертикальном направлении, собственно, ничто аморальное не устремляется. Оно схлопывается и ариманизирует человека. В вертикальном направлении устремляется только моральное. И уже в эфире, в тепловом эфире крови в вертикальном направлении физиономия аморального отбрасывается. Голова его не принимает. Моральное же восходит с теплом крови уже в тепловом эфире головы, еще больше – в световом эфире, и особенно – в химическом и жизненном эфирах. Человек пронизывает свою голову своим собственным существом.

Это действительно действие морального в физическом. В то же время можно сказать: пожалуй, эфирная организация головы человека обладает сродством моральному в человеке, но не аморальному. И никому не постичь, как действуют моральные импульсы в физическом на окольных путях эфирного, оставаясь при простом физически-чувственном наблюдении мира. Надо взять всего человека в его эфирной и астральной организации, тогда мы получаем область, где видим, как моральное вмещивается во всю организацию человека.

Итак, вы можете себе представить, насколько иным это выглядит, когда человек умирает. Если его голова имеет силы, чтобы оттолкнуть его остальную организацию, то в эфирном теле, которое он сбрасывает через несколько дней, в его голове ничто от нее не остается. Здесь он не производит на мир особого впечатления. Здесь он не сотрудничает в дальнейшем развитии Земли, так как он никаких сил не посылает в то, что восходит в будущее. Если же человек развил в себе моральные импульсы, которые его голова приняла, тогда его эфирное тело покидает его как целостный человек. Когда же покидается своим эфирным телом аморальный индивид, его эфирное тело выглядит поистине ариманическим. Мы получим хорошее восприятие ариманической формы, даже не встречая самого Аримана, если мы увидим эфирное тело аморального человека, переходящее в Космос. Оно ариманизировано в своей форме. И – наоборот, очеловеченное, человечески округленное и просветленное эфирное тело, которое освобождается через два-три дня после смерти от астрального тела и Я – у человека с моральными импульсами.

Такой человек то, что он переживает на Земле, как человек, прорабатывает также в своей голове, а не только лишь в своем остальном организме, и он передает это сходством головы с Космосом. Голова похожа на Космос, остальной организм не очень схож с Космосом; он, спустя некоторое время после того, как он передан Космосу, я бы сказал, рассеивается как облако и более или менее выпадает на Землю, или, по меньшей мере, изливается в потоках, которые кружатся вокруг Земли. Но то, что человек запечатлел в своей голове от своего морального, изливается в космические дали, вследствие чего человек сотрудничает в перестройке Космоса. Итак, мы можем сказать: в зависимости от того, каков образ действия человека – нравственный или аморальный, он сотрудничает в будущем Земли. Аморальный человек предоставляет силы, которые затем окружают Землю – и они важны для всей деятельности, так как из эфирно-физической Земли позднее возникает то, что эфирно сливается на Землю и снова связывается с Землей, или живет в окружении Земли. Моральный человек, напротив, так как он принял в свою голову силы, которые развиваются именно моральными импульсами, передает всему Космосу то, что он выработал на Земле.

На Земле, если мы в ней основательно застряли, мы не увидим как, собственно, действуют моральные импульсы; они тогда остаются абстракциями. Рассмотрите у какого-нибудь философа морали, например, Гербарта, моральные импульсы. Он приводит пять моральных импульсов: внутренняя свобода, доброжелательность, совершенство, справедливость и честность. Если человек ориентируется согласно этим пяти видам добродетели, он является моральным человеком. Но Гербарт, собственно, не смог бы указать что-то более абстрактное, чем это: он является, мол, моральным человеком. Но что это значит для мира, такой философ не скажет.

Я привел вам вчера четыре главных добродетели Ницше, который группирует их несколько иначе. Он различает, как я сказал, честность по отношению к себе и своим друзьям, храбрость по отношению к врагам, великодушие по отношению к побежденным и учтивость по отношению ко всем людям. Другие философы морали приводили другие добродетели. Но все эти добродетели остаются абстракциями, если знать только о физической природе человека. Тогда стоят перед человеком с этими добродетелями, как импульсами, как стояли бы перед машиной с командами: как бы они ни уговаривали машину, ей вовсе не приходит на ум принять что-то из их импульсов. Так же и человеческая природа, о которой говорит сегодняшнее мировоззрение, не может ничего принять от моральных импульсов. Чтобы понимать действительность, деятельность морального, надо войти в область сверхчувственного.

Сверхчувственное, это – вовнутрь обращенная мимика, вовнутрь обращенные жесты, которые, в зависимости от того, нравственны они или аморальны, принимаются головой или отбрасываются и вследствие этого переходят в мир, или растрескиваются, разрываются, дробятся на Земле.

Даже философ морали такой внутренней силы, как Ницше, полностью повисает в воздухе со своими принципами морали и может прийти к укреплению только таким образом, как я об этом рассказал вам вчера. Но это не настоящее укрепление. Он должен был, вопреки «По ту сторону добра и зла», возвратиться в конце концов к человеческой «физике». Из-за этого он и потерпел неудачу. И если мы хотим основательно рассмотреть деятельность морального, мы должны подняться над обычным физическим мировым порядком, должны вступить в область сверхчувственного, должны себе уяснить, что моральное хотя абстрактно и просвечивает в физическом, но деятельность его может рассматриваться и обсуждаться только в сверхчувственном.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ. Дорнах, 18 февраля 1923г.

Довольно часто подчеркивалось, что современный исторический момент развития человечества характеризуется тем, что тон в нем задает интеллектуальная жизнь. Для этого современного момента было отведено время подготовки, которое мы охарактеризовали как четвертый постатлантический период, греко-римское время. И вы знаете: согласно определенным внутренним характерным особенностям душ людей, которые развивались в эти эпохи, мы считаем греко-римским период с VIII дохристианского столетия по XV христианское столетие. И истекший с того времени период, в котором мы сейчас полностью пребываем в значительном для нас душевном развитии западноевропейского человечества, мы принимаем как современный исторический момент времени.

Отношение человека к интеллектуалистическому миру до XV века было совсем иным, чем в позднейшие времена. И если уже с IV христианского столетия отношение к интеллектуальной жизни в человеческом душевном настроении, которое было в Греции, клонилось к закату, то все же еще и в этот, второй период четвертой постатлантической эпохи, повсюду выражено нечто от греко-римского душевного настроения; но полностью это можно понять, лишь погрузившись душой в характерные особенности греческого человека, каким он был в то время, на исходе греческой жизни, которое в истории изображено довольно поверхностно, от Сократа и Платона до заката эллинизма.

Из внешнего, можно сказать, поверхностного исторического представления даже без духовнонаучного углубления можно

заклЮчить, что грек, когда он достигал того, что мы сегодня называем интеллектуальным мировоззрением, испытывал радость, как минимум – удовлетворение, пройдя различные уровни образования того времени и будучи в состоянии силой интеллекта создать себе картину мира, обладание которой возвышало его человечески. Он надеялся быть человеком в лучшем смысле, если он сможет постигать мир интеллектуально. Внутренняя радость и удовлетворение в интеллектуальной жизни переполняли эту четвертую постатлантическую эпоху.

Это еще можно увидеть и у более поздних личностей. Это можно увидеть, например, у часто упоминаемого нами Йоганна Скотуса Эригены из IX христианского столетия в том способе, как он понимает свои идеи, как он свои идеи представляет, как он верит, что при этом постижении идей можно оживить в человеке внутреннее воодушевление. Так было даже тогда, когда потом вмешалось несколько более холодное обсуждение у тех, которые, часто уединяясь от остального мира в схоластике, пытались обрести систему мира интеллектуалистическим способом. И только в течение последних столетий это обернулось тем, что человек стал бояться, что он утратит свое внутреннее душевное тепло, если возвысится до интеллектуала. Если мы возвратимся совсем недалеко, например, до такого интеллектуалистического миропонимания, как, например, у Шиллера, до точнейшей морфологии, как она развита у Гете, мы еще можем видеть, как такие личности приходили к идеальной интеллектуалистической росписи картины мира, как они верили, что лишь тогда можно стать поистине человеком, когда можешь вносить в идеи внутреннее тепло. Столь бледным и холодным, каким сегодня часто ощущается мир идей, он еще до недавнего времени не ощущался. И, конечно, это связано с важным законом развития человечества. Это связано с тем, что к миру идей, который строится интеллектуалистически, человек получил совсем другое отношение, чем было у него прежде.

В прежние времена мир идей восходил к жизни, к живому. Космос рассматривался как нечто живое. Стоит лишь получить действительное ознакомление с древней структурой понятий, чтобы увидеть, что мертвое, в сущности, было чем-то, выпавшим из живого, которое мыслилось расстилающимся на весь мир, как мы находим, например, пепел – выпавшим из сгоревшего. У человека было совсем другое ощущение по отношению к Космосу. Он рассматривал Космос, как большой живой организм, и рассматривал неживое, например, всю сумму минерального царства, как выпавший из мирового процесса пепел, который омертвел, поскольку он является отбросом живого.

Это ощущение по отношению к миру стало в течение последних столетий существенно иным. Научное познание становится,

например, вполне уважаемым, или, по меньшей мере, всегда было вполне уважаемым, поскольку оно могло быть распространено на то, что является мертвым. И все больше и больше поднималась тоска по рассмотрению живого, хотя бы даже как, например, химической связи в мертвом веществе. Время от времени вставала идея самозарождения из мертвого.

Я уже часто упоминал об этом: когда в средние века пытались представить гомункулуса в реторте, то эта идея – представить существо из ингредиентов – не мыслилась как самозарождение в том смысле, как, например, говорило о самозарождении позднейшее изучение природы, но все это было как бы расколдовыванием конкретного живого из неопределенного живого. Космос еще не мыслили как механизм, как мертвое. Поэтому верили в возможность суметь извлечь определенное живое из всеобщего, неопределенного живого. Средневековый ум, собственно, еще не задумывался о связи неживого с живым. Сегодня эти вещи чрезвычайно трудно рассматривать вне духовной науки, так как человек сегодня обычно рассматривает свои понятия так, как если бы они, после того, как человечество прошло этапы детства, созрели настолько, что сегодня они – абсолютно верны.

Громкие заявления о сегодняшнем прогрессе говорят все же о том, что человек еще никогда не был столь оцепенелым, застывшим в образовании своих понятий, как в нынешний век. И, в сущности, это – субъективный элемент, который сообщает людям эту твердолобость, особенно в познании, когда человек направляет свои понятия, свои идеи на мертвое, которое, ведь, – нечто чисто пассивное. Он, человек, может очень мило, удобно формировать свои понятия, так как мертвое – неподвижно, и он может развивать свои физические понятия, не опасаясь, что когда он выйдет с этими понятиями в природу, он будет расстроен тем, что природа, в своей подвижности, попросит его быть столь же подвижным в своих понятиях.

У Гёте еще было это чувство, что нужно иметь живые, не сформированные в четких контурах понятия, чтобы постигать отдельные вещи с помощью идей, приспособляясь к живому подвижному бытию и живым подвижным существам.

Сегодня человек в своих понятиях предпочитает, как это ни парадоксально – удобство. Дело в том, что эта склонность к заостренному понятию, к понятию, которое может постигаться в четких контурах, применима только к мертвому, которое не движется и поэтому оставляет понятие неподвижным. Но все же дело обстоит таким образом, что эта жизнь в неподвижных понятиях, которые, собственно, больше не заботятся ни о чем внешне живом, тем не менее, как я это неоднократно излагал, дала человеку возможность внутренне достичь сознания свободы.

Двойственность возникает из-за того, что человек в своих понятиях полностью омертвел. С одной стороны – сознание свободы, с другой – возможность неподвижные понятия, которые берутся от неживого и применимы только к неживому – применять в величественной, триумфальной технике, которая предназначена быть воплощением жесткой системы идей.

Это – одна сторона развития, которое проделало новейшее человечество. С другой стороны, надо понять, как человек в известной мере отслоился от живого, как живое стало ему чуждым. Надо также увидеть следующее: если человек противопоставлен неживому, то он, не желая оставаться в неживом, хочет в своей душе воспринимать импульс живого, находить это живое своими собственными силами.

Возвращаясь в древние времена, мы находим, что здесь человеку каждая формация облаков, молния, сверкнувшая из облака, прокатившийся гром, растущее растение и так далее, все это человеку приносило живое, так что человек, познавая живое, в какой-то мере дышал им и поэтому невольно находился в живом. Ему требовалось лишь воспринять живое извне. В нынешнее время человек, так как внешнее не дает ему это живое именно согласно его ступени развития, на которой его понятия могут охватывать только мертвое, вынужден извлекать это живое из самого внутреннего существа своей жизни, оживлять самого себя. Можно и историю осмысливать не только теоретически, рассудком. Тогда история явится слишком однообразной. Нужно всей душой вникнуть в тот способ, каким люди переживали историю в различные эпохи. И мы здесь находим, насколько мощный переворот произошел от, так сказать, предгреческой эпохи, которую мы в нашей Антропософии прослеживаем вплоть до атлантического времени, т.е. до VII, VIII дохристианских тысячелетий, затем через греческое время, вплоть до нашего времени. И я хотел бы просто объективно изобразить вам сегодня этот переворот в ощущении человеком Вселенной. Я хочу вам показать, как этот переворот в ощущении Вселенной человеческой душой представляется духовному рассмотрению.

Когда мы возвращаемся в древнейшие времена (внешняя история показывает лишь их следы), здесь нужно проникать в предмет уже духовнонаучно, методами, с которыми мы ведь познакомились. Когда мы возвращаемся к человеку до-греческого времени, мы находим, всюду, например, в египетской культуре, в халдео-вавилонской или даже в пра-персидской культуре, что у человека существует ощущение, что он явился, как бы спустившись на Землю из времени до рождения, из предземной жизни. И он еще несет в себе это как последствие того, что боги трансплантировали в него в предземной жизни.

Тогда человек, собственно, чувствовал себя на Земле так, что

он говорил себе: я стою здесь, на Земле; прежде чем я стоял на Земле, я был в духовно-душевном мире, образно говоря – в световом мире. В моем внутреннем еще таинственно светит этот свет. Я, как человек, являюсь в какой-то мере оболочкой Божественного света, который еще продолжает жить во мне. – И таким образом человек осознавал, что с ним на Землю спустилось Божественное. Он, собственно, не говорил (это подтверждается филологически): я стою здесь на Земле. Но он, собственно, говорил: я, человек, укутываю Бога, который поставил себя на Земле. Это, собственно, было его сознание. И чем дальше мы возвращаемся назад в развитии человечества, тем больше мы находим это сознание: я, человек, укутываю на Земле низошедшего Бога.

Ибо Божественное было многообразным. Я бы сказал: последние боги в иерархии богов простирались вниз вплоть до Земли, для древнего сознания они сами были людьми. И тот, кто смотрит не внешне, поверхностно, ужасно поверхностно, например, как Дейссен, когда он «улучшил» восточную культуру для Европы, но кто действительно сопереживал, с каким сознанием говорил древний индус, ощущая своего Брахмана, которого он укутывал в себе, тот также сможет сопережить, какой, собственно, была человеческая душевная жизнь в древние времена.

Но из этого развилось то сознание, которое присутствовало в человеке по отношению к Божественному Отцу, Богу Отцу. Человек чувствовал себя кем-то вроде сына богов. Не то в человеке он ощущал, что присутствовало в плоти и крови, но то, что укутывало плоть и кровь, что, согласно воззрению различных людей древних времен, однако, не сделалось достойным укутывать Бога. Не этих людей в плоти и крови он рассматривал как Божественное, но то, что нисходило из духовного мира в этого физического земного человека, в человека из плоти и крови.

И, таким образом, отношение к Богу Отцу было прежде всего чем-то, что ощущалось как религиозное отношение. И высшим достоинством в древних мистериях было достоинство Отца. В восточных мистериях чаще всего различали семь ступеней, которые должен был проходить посвящаемый. Первая ступень была та, на которой он должен был лишь подготавливаться, на которой он должен был усвоить душевную конституцию, на которой он вообще мог лишь понимать то, что ему было показано в мистериях. Следующие ступени вплоть до четвертой приводили его затем к тому, чтобы полностью постичь то, что было его народной душой, так что он не чувствовал себя больше отдельным человеком, но – членом человеческой группы. И приступая затем к более высоким ступеням, к пятой, шестой ступени, он чувствовал себя все больше и больше облачением Божественного.

И высшей ступенью была – Отец. Это были те личности, которые в своей внешней жизни и в своем внешнем существовании должны были в какой-то мере осуществлять то, что человек ощущал как Божественный архетип (Urprinzip), который он в действительном смысле относил к самому себе. Это была внешняя духовная культура, полностью соответствующая этому центральному принципу религиозной жизни: в сознании человека ощущать отношение к отцовскому принципу творения. И в соответствии с этим человек воспринимал все то, что он мог постигать также внутренне; свет познания, который мог в него входить, он ощущал как превосходство над ним Бога Отца. Он ощущал в какой-то мере в своем собственном рассудке продолжение деятельности Бога Отца. На этом основании был устроен весь культ, который был лишь отражением того, что могло возникать в мистериях как путь познания.

Наступило греческое время. В греке мы имеем чистейшего представителя этой ступени человечества, которая развилась из людей с вышеуказанной древней структурой души. Грек ощущал человека больше как человека, а не просто лишь как покров Божественного. Но это – греческое чувство, так что тот, который прошел греческое воспитание, скажем, греческое воспитание ума, или также кто прошел через греческую религиозную жизнь, греческое искусство, тот в какой-то мере чувствовал, что Божественное полностью вошло в человека. Грек больше не чувствовал себя оболочкой Бога, но чувствовал себя изображением Бога. Только это уже больше не высказывалось столь же неприкрыто, как в более древние времена. В Греции это обстояло так, что это открывалось ученику мистерий только на определенной ступени: ты, как человек – Божественное существо, Сын Божий; сообщать эту тайну человеческого становления неподготовленному человеку представлялось совершенно невозможным. Но посвященный грек видел это так; отсюда это основное ощущение. Это было не идеей, выступившей в ясных контурах, а именно основным душевным ощущением.

Мы потом находим это основное душевное ощущение в греческом искусстве, которое представляет богов так, что они становятся именно идеализированными людьми. Такое представление Божественного в виде идеализированных людей происходит полностью из этого основного ощущения. Так что грек, я бы сказал, в своей чистоте и душевности вернул себе отношение к Божественному.

Теперь, после того, как греческое мировоззрение полностью погрузилось в свою вечернюю зарю, с XV столетия наступило совсем другое душевное настроение. Человек больше не чувствует себя оболочкой Божественного на Земле, а также больше не чувствует себя образом Божественного, как грек, но он чувствует

себя существом, которое поднялось с нижних несовершенных ступеней до принятия человеческого образа, и которое может лишь взирать вверх, на потустороннее Божественное. И новый человек основывает естествознание, которое, хотя и происходит из этого основного ощущения, но своего отношения к самому себе он еще найти не мог. И задача антропософии заключается именно в том, чтобы снова найти это отношение человека к самому себе и к Божественному. Мы можем представить себе это отыскание следующим образом. Мы можем однажды переместиться в душу догреческого человека. Он говорит: я укутываю Божественное. Это Божественное, когда я укутываю его на Земле человеческой плотью и кровью, я могу представлять лишь значительно менее достойным, чем оно является на самом деле. Я его могу лишь в какой-то мере унизить. Если я хочу чисто представлять Божественное во мне, я должен очиститься. Я должен пройти что-то вроде катарсиса, очистить себя, чтобы Бог проявлялся во мне по возможности лучше. Но это, по сути, – возвращение к отцовскому принципу (Urprinzip), то, что также и в религиозной жизни древности приходило к воззрению, что люди после смерти уходят назад к предкам, к далеко ушедшим предкам. Для религиозной жизни характерно это стремление к отцовскому принципу творения (Urschöpfungsprinzip). Человек еще не чувствует себя на Земле вполне по-домашнему. Но также и еще не содержит стремления, из чуждой человеку позиции, я бы сказал – к потустороннему Божественному. Это скорее стремление к чистому представлению человека, поскольку считают, что тогда является Бог.

В греческой жизни это становится иным. В греческой жизни человек уже не чувствует себя столь тесно связанным с Божественным принципом Отца, как это имело место в прежние времена. Человек чувствует себя действительно связанным с Божественным, но в то же время связанным и с земным. Он чувствует себя в какой-то мере в состоянии равновесия между Божественным и земным. Это период, на который приходится Мистерия Голгофы. Это период, когда больше не может говориться лишь: «В праначале был Логос, и Логос был у Бога» – имея в виду Бога Отца – «и Логос был Бог», но когда должно быть сказано: «И Слово стало плотью». Логос, который первоначально рассматривался только как объединение с Богом Отцом, стал рассматриваться так, что он в какой-то мере полностью нашел свое жилище в человеке, так что человек теперь должен искать его в себе. Навстречу Мистерии Голгофы выступило это человеческое настроение. Бог Отец, собственно, не мог никогда мыслиться в человеческом облике. Бог Отец должен был мыслиться чисто духовно. Христос, Сын Божий, мыслился как Богочеловеческое. И, в сущности то, что грек ощущает как тоску

или изживает как художественное творчество, в полном человеческом объеме исполняется во всем представлении Мистерии Голгофы. Мы не должны придерживаться при этом чего-то второстепенного, мы должны придерживаться главного, вхождения Божественного в самого человека, стоящего на Земле.

Тем самым Мистерия Голгофы ставится в центр всего развития человечества на Земле. И нельзя рассматривать совершенно в качестве исторического случая то, что Мистерия Голгофы вошла в историю там, где эллинизм хочет представлять Божественное в человеке, так сказать, внешне, вне Земли. Я бы сказал, в этом надо видеть нечто большее, чем поэтический образ: грек должен был художественно изображать Бога, как человека, из ингредиентов Земли, и Космос посылал вниз, на Землю, Бога в человека, чтобы дать ответ в космическом смысле на чудесный вопрос, который послал в мировые дали эллинизм. Я бы сказал, это ощущается в плане исторического развития человечества, как эллинизм в своих человечески представленных богах задает Космосу вопрос: может ли Бог стать человеком? – И Космос ответил: Бог может стать человеком – позволив произойти Мистерии Голгофы.

Но я делал это неоднократно поясняя, как это возможно, понять Мистерию Голгофы в ее пра-существовании, если обращаться теперь к ней не с познанием неживого, которое в новейшие времена стало обычным, но с новым, полным жизни, познанием, с познанием, которое снова может быть пронизано Духом.

Тем самым мы пришли к тому, что должны теперь сказать: хотя человек, с одной стороны, обладает сознанием свободы, с другой стороны – его механистический прогресс во внешней культуре достигнут с помощью мертвых понятий, и он не может останавливаться при этой внутренней безжизненности. Он должен из собственных душевных сил получить импульс живого, живого духовного, это значит, он должен снова быть в состоянии прийти к идеям, которые внутренне живые, к идеям, которые волнуют но не только рассудок, но волнуют всего человека. Это должно стать действительно возможным для современного человека, на что я намекнул в моей книге «Мировоззрение Гёте»: не говорить о мертвых идеях, не говорить об идейных абстракциях, а устремляться к той духовности, в которой он наполняется идеями, брать с собой в этот регион идей все живое тепло, которое может теплиться в душе, весь сияющий свет, который может пробуждать в его душе воодушевление. Человек должен снова быть в состоянии вносить в идеи все свое душевное тепло и весь свой душевный свет. Он должен смочь внутренне брать с собой всего своего человека в духовность мира идей. Мы, собственно, в современности это утратили.

И, можно сказать, не многое в новой литературе так глубоко

волнует, как первая глава Ницшевского представления греческой философии в его «Трагическом веке греков», как он это называет. Ницше изображает философов досократического времени, Фалеса, Гераклита, Анаксагора, и это – нечто страшно захватывающее для тех, у кого верное чувство и открытое сердце для чего-то в этом роде, когда Ницше изображает, как в определенное время развития грек поднялся к абстракции простого бытия, от исполненных теплом природных впечатлений у множества людей – к бледной мысли бытия. К примеру, в этом месте Ницше говорит: тогда ощущают, как кто-то дрожит от холода, ощущая, в какие ледяные регионы мы попадаем, поднимаясь с древнегреческим философом, например, с Парменидом, до этой абстрактной идеи всеобъемлющего бытия. Заключенным в глетчере душевной жизни чувствует себя Ницше в современной культуре, в которую он был помещен, как я здесь представил позавчера.

Но Ницше также потерпел неудачу оттого, что смог достичь только лишь до холода, можно сказать – до заключения в глетчере человеческого мира идей, в то время, как ясновидение в настоящей духовности может вносить душевное тепло и душевный свет в интеллектуалистическое, так что можно достичь той чистоты в понятии, о котором я говорил в моей «Философии свободы», но стать с этой чистотой понятий не внутренне иссохшим, но внутренне восторженным человеком. Человек, который, покидая земное тепло чувственности, в пространствах холодных регионов интеллектуализма ощущает солнечное тепло Космоса, человек, который, покидая светящиеся предметы Земли, переживает, как темно становится в интеллектуалистическом мире понятий, благодаря своим живым душевным импульсам, которые он вносит в эту тьму, становится теперь способным принимать космический свет, я бы сказал – преодолев земную тьму.

У Ницше мы всюду видим тоску по этому космическому свету, по этому космическому теплу. Он их не может достичь. Он поэтому терпит неудачу. Антропософия стремится указать путь туда, где не утрачивают земное тепло, не утрачивают земной свет, где сохраняют свежее участие и свежий интерес ко всей конкретике земного, где в любви остаются преданными всему земному и, тем не менее, могут подниматься к той высоте понятия, где в чистых понятиях раскрывается Божественное, которое современный человек уже не ощущает в себе как древний человек на Земле, но с которым он должен сперва соединиться.

Это – то настроение, которое позволяет правильным образом ощутить тайну Святого Духа. И в этом – различие в духовной жизни между современным человеком и человеком древним. Древний человек впитывал свою духовность из всех отдельных существ природы. Облако говорило ему о духовном, цветок

говорил ему о духовном. Современный же человек должен одушевлять свои понятия, ставшие холодными и мертвыми, своей собственной силой, тогда он достигает того Святого Духа, через которого он может правильным образом видеть также Мистерию Голгофы. Ибо мы берем нечто от человечности, – выражаясь несколько сухо, – антропософски пронизывая свои идеи душевным теплом и душевным светом, мы берем нечто от человечности. Нельзя вырваться из мира сухих, банальных, абстрактных идей, если не делать этого. Если восходить к постижению мира тем путем познания, о котором я говорил в антропософских книгах, тогда идеи остаются столь же точными, насколько точны они в математике или в других науках. Мы не мыслим более неточно, чем мыслит химик в своей лаборатории или биолог в своем кабинете, только понятия обуславливаются чем-то, привходящим от человека. Когда антропософ говорит в имагинациях, когда он говорит в инспирациях, и здравый человеческий рассудок действительно понимает эти имагинации и инспирации, то они в самом деле стоят перед ним как математические или геометрические образы перед математиком. Но человек должен кое-что привносить, иначе ему эти идеи действительно не понять. То, что он должен привносить, это – любовь.

Не пронизывая познание любовью, нельзя усвоить знание, которое дает антропософия, иначе оно остается равнозначным другим знаниям. Это – вполне равнозначно, говорите ли вы с каким-либо материалистическим натуралистом: сумчатые животные, человекообразные обезьяны, питекантропы, люди, – или же вам говорят: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и Я. Это – лишь другая мысль, но статус души – вовсе не иной. Статус души становится иным только тогда, когда это духовное постижение человека в природе становится внутренне живым. Но дело также не пойдет, если то чувство, то ощущение, тот душевный статус, которые живут в любви, не сопровождаются познанием. И если свое познание мы пронизываем переживанием любви, то это познание проникает в Мистерию Голгофы. И тогда мы имеем не только вполне правомерную наивную симпатию к Христу, и эта наивная симпатия – вполне правомерна, но мы тогда имеем также познание, которое распространяется во всем Космосе, и может углубляться до постижения Мистерии Голгофы. Иными словами, жизнь в Святом Духе ведет к жизни во Христе, или перед Христом, перед Сыном Божиим.

И тогда мы постигаем, как Логос через Мистерию Голгофы в действительности перешел от Отца на Сына. И тогда для нас открывается нечто важное: для древних людей это было правильным, говорить: «В прачале был Логос. И Логос был у Бога, и Бог был Логос», но затем, в греческое время, должны были

начать говорить: «И Логос стал плотью». И современный человек должен добавлять: и я должен находить понимание живущего во плоти Логоса посредством того, что все мои понятия и идеи, все мое постижение мира я возвышаю в духовное, так что я нахожу через Святого Духа – Христа, и только через Христа – Бога Отца.

Это, конечно, не что-то теоретическое, но нечто такое, что может входить в непосредственное переживание современного человека, и такое отношение к христианству весьма естественным образом вытекает из антропософии.

Так уж обстоит, что это постижение духовного пути необходимо современному человеку. Он нуждается в этом постижении духовного пути именно по отношению к мертвой культуре, которая совершенно не унижает его, но с другой стороны – поддерживает в нем очень ценный механизм нашей сегодняшней жизни. Но это служит, я бы сказал, внутренним толчком, чтобы современный человек вступил на этот духовный путь. И этот внутренний толчок – я недавно здесь однажды назвал его настоящим пробуждением – многие не хотели бы развивать. И это, собственно, создает современную враждебность по отношению к антропософии, то, что не хотят сотрудничать с этим толчком в душевной жизни. Есть некое неудобство в переживании этого толчка. В какой-то мере этот толчок ввергает в пучину космического становления. Хотелось бы оставаться спокойным со своими оцепенелыми, четко очерченными понятиями, которые подходят только неживому, которое не защищается в процессе постижения мира, в то время как живое, если его хотят познать с помощью мертвых понятий – защищается, движется и ускользает от понятий. Для современного человека это – неудобно. Он ощущает это. Он облачает это во всяческие другие вещи, и он становится прямо-таки диким, когда слышит, что от него с определенной стороны требуется совсем другое постижение мира в различных областях жизни.

Только из этого настроения объяснимы весьма странные вещи, которые выступают именно во враждебности к антропософии. Стоит упомянуть лишь несколько явлений самого последнего времени, и вы сможете вполне ощутить эту странность.

У нас сейчас большая беда – потеря нашего Гётеанума. Мы прекрасно осознаем, что, при всех возможностях восстановления, этот старый Гётеанум не может воскреснуть, он останется лишь воспоминанием, и это действительно неслыханная боль – быть вынужденным сказать себе: это была попытка – найти в Гётеануме художественный стиль, который соответствует новой духовности, и этот художественный стиль, на благотворное влияние которого возлагали столько надежд, вместе с этим Гётеанумом исчез недавно с лица Земли. Достаточно лишь упоминания этого факта, чтобы ощутить то чрезвычайно болезненное, которое заключено в

гибели Гётеанума,.

Кажется, ведь, принято, что в случае беды с противниками прекращают обращаться непочтительным и насмешливым языком. Но беду пожара Гётеанума противники находят справедливой и соразмерной и разворачивают свою враждебность еще более насмешливым и издевательским образом. И именно это странно. И это – нечто такое, что ставится достойным, но собственно – недостойным образом в один ряд со всем остальным.

Антропософское движение начиналось как чисто положительная деятельность. Никто не подвергался атакам, никого не обрабатывали, не велась никакая агитация, просто сообщалось то, что может быть исследовано именно антропософским путем. Движение спокойно ожидало тех душ, которые, живя именно в наше время, исходят из своих душевных импульсов, чтобы иметь понимание того, что должно высказываться из духовного мира. На это была ориентирована вся антропософская работа: не агитировать беспорядочным образом, не громоздить программы, но просто говорить то, что вытекает из исследований духовного мира, и ждать, в каких душах возникнет тоска по познанию этого сущего (*dieses Seienden*).

Итак, сегодня есть много людей, которые являются противниками антропософии, вообще говоря – не зная, почему, они только бегут вместе с другими, от которых получают руководящие указания. Но все же есть и те, которые очень хорошо знают, почему они – противники антропософии. Они знают это, ибо они видят, что на антропософской почве произрастают истины, которые требуют именно этого, охарактеризованного выше толчка. И они этого не хотят. Этого не хотят по различным причинам, поскольку они хотели бы всегда в узких кругах хранить такие унаследованные истины, просто чтобы выделяться из всего человечества владением такими истинами, выделяться, как нечто вроде мелких духовных аристократических групп. Поэтому они прежде всего ненавидят того, кто, в противовес тому, что просто лежит в духе настоящего времени, несет истину из духовного мира для всех людей. Но в то же время эти противники – я знаю этих моих ведущих противников – знают, что против истины, как таковой, ничего не поделаешь, что она находит свой путь сквозь самые узкие расщелины, какие препятствия бы ей не встретились. Поэтому в большинстве случаев борьбой против истин путь не пробить; здесь эти истины сами нашли бы уже средства и пути выбить противника из поля битвы. Видите ли, соперничество отказывается от борьбы истин и смещает центр тяжести к личным нападкам, личным подозрениям, личной ругани, личной клевете. Истинам не надеются ничего причинить, но с ними хотят покончить; поэтому надеются с ними покончить путем личных оскорблений. Это как раз то, что именно видом борьбы указывает,

сколь хорошо ведущие противники знают, каким способом они должны действовать, чтобы добиться временной победы.

Но это – то, что должно быть известно именно среди антропософов; так как антропософы все еще верят, что обычным обсуждением с противником можно чего-то достичь. Ничто не может нам навредить больше, чем иллюзия, что в обсуждениях нам удастся представлять нашу истину, так как мы становимся ненавидимыми не за то, что мы говорим неправду, но за то, что мы говорим правду. И чем больше нам удастся показать, что мы говорим правду, тем большим будет падение.

Конечно, это не может удерживать кого-либо от того, чтобы ратовать за истину. Но это может удержать от наивной веры, что путем обсуждений можно преуспеть. Идти вперед можно только путем позитивной работы. Преуспевают только посредством того, чтобы, насколько это возможно, – представлять истину, чтобы возможно больше предназначенных к этому душ, которых в современности намного больше, чем считают, приходили к ней, чтобы найти в ней духовную пищу, которая необходима, если для будущего людей необходимо строительство, а не разрушение, если должен происходить прогресс, а не регресс.

Из хаоса современности не следует выходить на материальном пути. Из хаоса современности нужно выходить только на духовном пути. Но на духовный путь можно вступить, только избрав своим водителем дух. И в истинном смысле избрать дух своим водителем, понимать, как его избирают, это – то, что антропософы должны познавать и рассматривать в самом глубоком смысле.